

Адский поезд для Красного Ангела

Автор:

Франк Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Франк Тилье

Комиссар Франк Шарко

В окрестностях Парижа обнаружен труп молодой женщины. Убийца расправился со своей жертвой столь странным способом, что полицейские приходят к выводу, что за этим убийством кроется какая-то тайна. Расследование поручается опытному сыщику Франку Шарко. К тому же ему помогает Элизабет Вильямс, специалист по психологии преступников. Поиски заходят в тупик. Недаром соседке комиссара в видениях является некий человек без лица.

Убийства множатся. Каждый раз человек без лица на полшага опережает своих преследователей.

Но Шарко принимает брошенный ему вызов.

Впервые на русском!

Франк Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Посвящается Эстебану

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «Французские железные дороги» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккаи в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены британским издательством «Пингвин», ведутся переговоры об их экранизации в Голливуде.

Любители детективов явно сгорают от нетерпения, желая прочесть новый роман Франка Тилье с продолжением захватывающих приключений комиссара Шарко.

Франк Камю. *La Voix du Nord*

В умении строить детективный сюжет на основе научно доказанных фактов Тилье неподражаем. Ему веришь, и это пугает больше всего...

Vol de Nuit

Предисловие автора

Дорогой читатель,

созданию книги зачастую предшествует желание. Желание поведать какую-то историю, заново испытать острые ощущения, вдохнуть жизнь в порожденных воображением персонажей и одарить их роскошной судьбой. Существует мнение, что романист пишет истории, которые хотел бы прочесть сам, и, сдаюсь мне, именно это подвигло меня в 2002 году впервые взяться за перо. После первого опыта – опубликованного в Интернете романа «Звериное сознание» – я принялся за повествование, благодаря которому за мной навсегда закрепится слава автора чернухи, не оставляющей места надежде. Вышедший в крошечном издательстве «*Rail noir*» роман «Адский поезд для Красного Ангела» – это результат года поисков, изучения документов и тяжелого писательского труда.

Роман затрагивает темы, о существовании которых я прежде даже не догадывался, а они, оказывается, очень даже существуют с изнанки нашего общества. Там, куда лучше бы не соваться... Трудности, встретившиеся мне на пути написания книги, нисколько не тормозили моей работы, скорее наоборот. Лихорадочное желание писать стало таким обжигающим, что через четырнадцать месяцев я уже заканчивал «Комнату мертвых». Это жесткий, суровый, затрагивающий социальную проблематику рассказ и одновременно выражение признательности северу Франции, где я живу. Это произведение заставило меня решительно осознать, что я уже никогда не брошу писать. Во мне поселился вирус.

Через полтора года после своего рождения Шарко, этот беспокойный персонаж романа «Адский поезд для Красного Ангела», все никак не мог оставить меня в покое. Я ощущал его вот тут, в себе, он настойчиво взывал ко мне, как призраки, что приходят тревожить своих близких. И тогда я подумал: «Ну что же, вперед!» Шарко гуманен, но очень суров. Хорошо бы придумать для него достойную историю, закрутить дьявольскую интригу, которая подвергла бы испытанию на прочность его наиболее стойкие качества. И наиболее уязвимые. Именно так я написал «Медовый траур», уже опубликованный в «Rail noir» в 2006 году; в 2008-м он был напечатан в «Poquet».

Таков контекст книги, которую вы сейчас держите в руках. Прежде чем вы погрузитесь в нее и ощутите первый озноб от шелеста ее страниц, хочу предостеречь вас: реальность зачастую превосходит вымысел.

Франк Тилье

Пролог

Теплые потоки летней грозы с неистовством обрушиваются на скользкие мостовые Старого Лилля. Вместо того чтобы искать укрытия, я слежу за пробирающимися между плитками охряной черепицы струйками воды, за жемчужно-серебристыми каплями, повисающими на водосточных трубах, чтобы, оторвавшись, плясать в моих ушных раковинах. Мне нравится вдыхать запахи старого кирпича, чердаков и чуланов. Здесь, среди бесшумно лопающихся пузырьков воды, все напоминает мне о Сюзанне. Я поднимаюсь вверх по улочке,

которая, точно коридор времени, ведет меня к ней. Я сворачиваю за угол, на улицу Солитер, и непреодолимая сила втягивает меня в бар «Немо». Я заказываю светлого бельгийского пива. Тлеющие угольки красным пламенем вспыхивают в глубине глаз хозяина заведения, их отсветы будоражат воспоминания, приводят их в движение, пока не всплывут в сознании, казалось бы уже умершие, моменты жизни. Он поджигает губы. Похоже, эта умственная гимнастика дается ему нелегко. Думаю, он узнал меня.

Одиннадцать вечера. Уставившись в слепящий глаза экран электронного будильника, я беспокойно ворочаюсь в постели. Ощущение пустоты в том месте постели, где должна быть Сюзанна, заставляет меня встать и набрать ее номер. Я слышу бесцветный женский голос автоответчика. Прижав стиснутую в кулак руку к губам, я звоню в научную лабораторию, где она работает. Ночной охранник говорит, что она ушла час назад. От Л'Э-ле-Роз до нашей пятикомнатной квартиры в Вильжюиф десять минут ходу...

– Мы знакомы? – поинтересовался хозяин заведения, взгляд которого тонул в моем бокале.

– Нет, – односложно ответил я, унося свое пиво к уединенному столу в укромном уголке кафе, откуда полумрак выдавил весь свет.

Снаружи, под защитой тента, прижимаются друг к другу влюбленные. Длинные золотисто-каштановые волосы девушки развеваются на ветру, как бахрома, которой иногда украшают велосипедный руль. Оба в молчании прислушиваются к шуму дождя; говорят лишь их бережные движения. В девушке я узнаю Сюзанну, какой она была двадцать лет назад, однако, поразмыслив, понимаю, что мне повсюду мерещится Сюзанна, какова бы ни была девушка, сколько бы ей ни было лет...

Страх сжимает мне горло, как удавка убийцы. Я знаю, они бродят везде, эти садисты с длинными ножами, эти насильники, нападающие на пожилых дам и детишек. Я насмотрелся на них в кабинетах Судебной полиции на набережной Орфевр. Безупречно причесанные, они сотнями проходили перед моими глазами со своими аккуратно повязанными галстуками. Они выползают на улицы как паразиты, они так ловко смешиваются с темнотой, что становится почти невозможно уловить их запах. Ненавижу их и буду ненавидеть всю жизнь.

В подвале, на паркинге, при виде разлетевшихся по земле мелких стеклянных осколков я едва справляюсь с приступом тошноты. Камера наблюдения разбита. Она свисает на электрическом шнуре неподвижным безмолвным свидетелем худшего. Я торопливо иду к тридцать девятому месту. В тишине бетонного склепа отчетливо слышен лишь звук моих шагов... Крошечный кусочек металла раздирает мне сердце, точно разрывная пуля: возле стены валяется невидимка, вроде тех, какими Сюзанна обычно закалывает волосы у висков. Я бегу по подземному паркингу, задыхаясь, поднимаюсь по лестнице, обследую площадки, в последней надежде защититься от того, чего так страшусь, стучу в двери жильцов. Наконец хватаю телефон и набираю номер Центрального управления поиска пропавших без вести. Злобный голос отвечает, что сегодня уже слишком поздно...

Я познакомился с Сюзанной здесь, в этом кафе, среди клубов табачного дыма и непрерывного шума голосов военных, приписанных к Сорок третьему пехотному полку. Оказалось, что мы оба из района горнопромышленного бассейна. Наша одежда впитала запахи шахтерских поселков, а обувь покрывала угольная пыль. Родители воспитали нас в безрадостном и тусклом ощущении бедности, хотя обладали самыми прекрасными сокровищами души. Обожаю эти бурые земли, их простых и великодушных обитателей. А теперь, когда Сюзанна больше не спит у меня под боком, кажется, люблю их еще больше.

Где-то там, в глубине, какая-то неумолимая частица моего сознания неустанно нашептывает мне, что она мертва, что после стольких месяцев и всех этих скорбных дней иначе и быть не может...

Прошло полгода, а я по-прежнему ищу свою жену. Она часто навещает меня во сне. Она спускается откуда-то сверху, опережаемая ароматом своих духов. Они, словно детские ручонки, гладят мне волосы. Но всякий раз, стоит нам встретиться взглядами, из ее глаз сыплются бритвенные лезвия, с губ и носа срываются тонкие, как соломинки, змеи, а из зияющей на груди раны исходит смрадный дух смерти.

Взяв сумку, я достаю из кармашка мобильник в надежде, что меня не ждет в нем никакое сообщение, которое могло бы лишить меня последнего дня отпуска.

Глава первая

Мой шеф, окружной полицейский комиссар Мартен Леклерк, просил меня срочно вернуться на набережную Орфевр. Обнаружено зверски изуродованное тело без признаков жизни...

Длинный Мартен Леклерк весил, наверное, едва ли больше пустой пачки из-под чипсов. Из-за почти полного отсутствия плоти у него под кожей так сильно проступали сосуды, что он мог бы привлечь к своей персоне всех вампиров планеты. Один вид этого персонажа поезда-призрака усиливал впечатление от его хлестких речей, и, насколько мне известно, никто никогда не осмеливался перечить ему. Ни разу я не видел, чтобы кто-нибудь из прошедших через его руки подозреваемых покидал кабинет хотя бы с тенью улыбки.

– Комиссар Шарко, это дело дурно пахнет, – заявил он мне, постукивая по папке карандашом. – Преступление совершено способом, далеким от классического. Черт возьми, эти убийцы хуже вируса! Одного завалишь, эстафету подхватывает другой, в два раза хуже первого. Взять хотя бы чуму или оспу, холеру или, наконец, испанку. Зло словно подпитывает себя за счет собственных поражений.

– А может, расскажете мне о жертве?

Шеф предложил мне жвачку с хлорофиллом. Я отказался. Он принялся шумно жевать, его скула под выступающей на правом виске веной – настоящая автотрасса! – нервно задвигалась, готовая все сокрушить.

– Мартина Приёр, тридцати пяти лет, убита в собственном доме. Ее муж, нотариус, в прошлом году скончался от опухоли мозга. Она получила в наследство кучу всего, включая кругленькую сумму, на которую была застрахована его жизнь. И жила в сельской тиши на проценты с капитала. С виду совершенно обычная молодая женщина.

– Мечь или кража, принявшая дурной оборот?

– Совершенно очевидно, что преступник следовал какому-то необычному ритуалу, его метод, похоже, исключает мечь. Разбирайся, потом расскажешь... Она живет... жила в уединенном месте, что явно не облегчит расследования.

Он выплюнул резинку в пустую пепельницу и сразу запихнул в рот следующую.

– Решено передать дело в Центральное управление судебной полиции. После покушений в Штатах и Тулузе, после шаек вроде «Экспедиторов» и других шутников, наши драгоценные умные головы не желают, чтобы страна стала тренировочной площадкой для всяких отморожков! Мы получили «добро» от прокурора Республики. Следственным судьей назначен Ришар Келли. Ты его знаешь. Симпатягой его не назовешь, но ты не стесняйся и добивайся от него чего положено.

Он бросил на письменный стол карту:

– Встречаетесь в Фуршерэ. Тебя там ждут Сиберски, Кромбе и комиссар соседнего городка. Найди мне его поскорей...

– Не крутовато ли для Сиберски? От него, как вам известно, в сто раз больше толку за компьютером, чем на месте преступления.

– Поверь мне, Шарк, это убийство его слегка расшевелит...

Минуя лес Эрменонвиля, я ощутил, как ослабла хватка бетонных щупалец столицы. За Санлисом я выехал на автостраду 330, затем свернул на 113-ю и, проделав добрую сотню километров, окунулся в нереальное спокойствие Фуршерэ. Перед моим взором, словно на вырванной у времени пожелтевшей старинной фотографии, солнце заливало волнами золотистого света скирды соломы. Последний день роскошного лета, начало обещающей быть теплой осени...

Городок словно погружен в бдение над гробом. Узкие улочки пустынно. Следуя по карте, после трех межевых столбов в чистом поле, где даже коровы были редкостью, я добрался до особняка Мартины Приёр. Специалисты научно-технического подразделения полиции корпели над предполагаемыми отпечатками протекторов, осколками стекла или следами обуви, а инспекторы из Центрального управления впряглись в щекотливую и нудную работу по опросу соседей. Предъявив караульному свое трехцветное удостоверение, я у самого входа присоединился к двум офицерам из криминальной полиции, стоявшим возле похожего на ожившую кеглю для боулинга комиссара Бавьера. Холодные сталактиты страха туманили блеск его глаз. Он сразу напомнил мне

пузатого заправщика с бензоколонки посреди поля с ветряками где-нибудь в самом сердце Штатов. После краткой процедуры приветствий я приступил к делу:

– Итак, комиссар, что мы имеем?

Прежде чем заговорить, Бавьер прокашлялся. Ледяные тиски ужаса сжимали ему горло.

– Тело Мартины Приёр без признаков жизни обнаружено разносчиком газет Адамом Пирсоном сегодня в пять тридцать утра. Входная дверь была распахнута настежь, но свет выключен. Он покричал, затем вошел, не дождавшись ответа, обеспокоенный, по его утверждению, тишиной и темнотой. По-прежнему окликая хозяйку, он поднялся по лестнице. Там он ее и увидел...

Нахлынувший шквал жутких мыслей прервал его доклад.

Я вернул его к прерванному рассказу:

– Прошу вас, комиссар, продолжайте...

– Мои люди прибыли на место первыми, затем к ним присоединились специалисты из научно-технического подразделения, судмедэксперт и ваши инспекторы. Вынос тела произведен около полудня.

– Так поздно?

– Сейчас вы поймете почему... Пойдемте.

Он собрал носовым платком слой жирного пота, залепившего ему виски. Точно сочащееся из гамбургера и жареной картошки масло...

«Бедолага с бензоколонки...»

Бавьер добавил:

– Боже мой... даже без трупа спальня вполне сгодится для следующего фильма Уэса Крэйвена[1 - Уэсли Эрл «Уэс» Крэйвен (Wesley Earl Craven; р. 1939) – американский кинорежиссер, продюсер, сценарист. Культовый режиссер фильмов ужасов. – Здесь и далее примеч. пер.]

Лейтенант Кромбе вышел из дома, чтобы руководить расследованием на улице, в частности опросом соседей. Поднимаясь по лестнице, я спросил Сиберски:

– Ну что, разберемся?

– Комиссар Бавьер прав. Я такого никогда не видел. Даже по телику...

Я все испробовал. Прыгал с парашютом, на тарзанке, катался на самых жутких ярмарочных аттракционах, бешено гонял на мотоцикле. И все же ничто не потрясает меня так, как отражение сцены преступления на сетчатке моего глаза. До сих пор затрудняюсь выразить, что воздействует на меня до такой степени. Может, страх или попросту свойственный человеку рефлекс, не дающий ему возможности выносить образ страха в его самом ошеломляющем проявлении.

Я никогда не рассказывал Сюзанне об этих кровавых взрывах, оставляя их при себе как самые черные страницы книги моего бытия. Приходя домой чаще всего поздно вечером, я старался, едва переступив порог, абстрагироваться от своей дневной жизни. Но нам никогда не избавиться от сорняков, пока мы выдергиваем их по стебельку.

И каждую ночь, стоило моему рассудку пуститься в плавание по волнам сновидений, на берег сходила тяжелая кавалерия кошмаров, чтобы до завтрашнего утра вести наступление на меня. И моя семья страдала от этого, как страдают все семьи, в которых работа преобладает над чувствами...

В центре комнаты, в изменчивом сумеречном свете подрагивали восемь стальных крюков, подвешенных к собранным у основания в пучок шнурам. Конструкция напоминала зловещий детский развивающий коврик. Ее подъем, соответственно вместе с насаженной на металлические крючья массой, осуществлялся при помощи пропущенного через сложную систему узлов и блоков более толстого шнура, свисающий сверху конец которого был кольцами свернут на полу. Отвердевшая плоть тела, которое я представлял себе

подвешенным, должна была лопнуть, словно перезрелый плод, и под каждым бугорком фрагментов еще вздувшейся разорванной кожи поблескивали искрящиеся капельки. Красноватые брызги, словно созданные творческим порывом, до самого потолка веером разлетелись по западной стене, как будто кровь пыталась спастись бегством из наводящего ужас собственного тела.

Фотограф из технического подразделения прервал свою кропотливую работу, чтобы доложить мне о первых результатах осмотра:

- Обнаженное тело жертвы было подвешено в двух метрах от пола на крюках, пронзивших кожу и часть спинных и ножных мышц. Два крюка на уровне лопаток, два - на уровне поясницы, два - на задней поверхности бедер и два в лодыжках. Помимо этого, жертва была связана пятнадцатью метрами нейлонового шнура, да такими мудреными переплетениями, что так просто и не объяснить. Сами увидите на фотографиях и видеозаписи.

- В каком состоянии было тело?

- Судмедэксперт обнаружил на теле, от груди до ступней, и на руках, включая кисти, сорок восемь резаных ран. Нанесены, по всей вероятности, фрезой или чрезвычайно остро заточенным ножом. Голова лежала на кровати, лицом к собственному телу. Предположительно отрезана электроплой. Об этом свидетельствуют полосы, оставленные от вращения режущей поверхности. Убийца обложил череп несколькими простынями, соорудив некое подобие чепца или капора...

Я присел возле кровати, мои глаза оказались на уровне матраса. Справа от меня стена, словно красными слезами, забрызганная засохшими каплями крови...

- Голова располагалась с этой стороны?

- Совершенно верно. Судмедэксперт подтвердит. Однако, похоже, глаза были вырваны из орбит, а затем вставлены на место таким образом, чтобы направить зрачки в потолок. Чтобы рот оставался открытым, между верхней и нижней челюстью были в качестве рычагов просунуты два куска дерева. Множество мелких надрезов соединяли губы с висками. Судмедэксперт также обнаружил ушиб в затылочной части черепа; это позволяет предположить, что жертва была оглушена или убита сильным ударом.

Светящиеся лучи заходящего солнца продолговатыми ранами пробороzdили стены. Горечь переполняла меня. Притаившийся в темноте демон, свирепый зверь, жаждущий жестокости, в непроницаемых пеленах ночи вершил свой страшный ритуал, оставляя за собой только скорбную землю, разоренную и спаленную его яростью.

- Имело ли место изнасилование?

- На первый взгляд, нет. Следов пенетрации не обнаружено.

Неожиданно. Как оплеуха наотмашь. От спальни на сто верст разило сексуальным страданием. Обнаженная, связанная жертва, истязания... а изнасилования не было?

- Вы уверены?

- Это требует подтверждения... Однако никаких видимых признаков пенетрации.

Я обернулся к Сиберски:

- Есть ли следы взлома?

- Нет. Дверной замок, а также окна не несут никаких следов повреждения.

- Что удалось обнаружить вне дома?

- Наши люди нашли одну улику за лавровым кустом. Раздавленную раковину улитки и множество растоптанных насекомых: муравьев, крошечных паучков. Что позволяет предположить, что убийца сидел там в засаде.

- Ладно. Посмотрим, что покажут соседи. Что еще?

- Все данные в компьютере Приёр стерты. Невозможно получить доступ хоть к какой-нибудь информации. Жесткий диск отправлен в лабораторию.

– Интересно. А чем нам смогли помочь специалисты научно-технического подразделения?

Я заметил, что комиссар прислушался. Пот корками засыхал на его напоминающем сахарную голову затылке. Отвратительный, как гниющая на солнце помойка.

– Невидимого тут видимо-невидимо, – заметил технический специалист. – Повсюду отпечатков – как на Лурдской Богоматери. На спинках кровати, на комод, на полу, на рамах. Зато мы не обнаружили ни волос, ни волокон или фрагментов кожи ни под ногтями жертвы, ни где-либо еще.

Свернутым в трубочку пластиковым пакетом для вещдоков он указал на металлический мобиль:

– Сооружение, при помощи которого ее истязали, – шнуры, блоки, крюки – отправится в лабораторию, как только я закончу детальное описание места преступления.

– Прекрасно. Каковы твои первые выводы, Сиберски?

Лейтенант воспользовался заданным ему вопросом, чтобы, приблизившись ко мне, отвести свой нос подальше от резкого запаха, исходившего от комиссара Пузана.

– Убийца с особым тщанием подготовил место преступления. Уединенно живущая, не состоящая в браке жертва, в момент его вторжения пребывающая в одиночестве. Он не скупился в выборе орудий. Дрель, болты, штыри, шнуры... Короче, полный набор для того, чтобы оборудовать себе «игровое поле». Громоздкий инструментарий, что подтверждает исключительность данного преступления. Ритм его вторжению задавали организованность, контроль и точность.

– Из чего это следует?

– Он не спешил. Мало кто из убийц может себе это позволить. Монтаж подобной системы, способ, каким он связал жертву, доказывают, что он в совершенстве

владеет своими эмоциями, что никакой посторонний импульс не заставит его ускорить события или совершить ошибку.

– Например, сексуальное влечение... – Я поскреб подбородок. – Как ты думаешь, зачем он оставил дверь открытой?

– В классической ситуации я бы сказал, что причиной тому поспешность или оплошность. Но только не в нашем случае. По моему мнению, он хотел, чтобы тело обнаружили как можно раньше.

– Точно. А для чего?

– Ну... Не знаю... Чтобы доказать нам, что он нас не боится?

– Тебе знаком художник восемнадцатого века Ванлоо?[2 - Шарль Амедей Ванлоо (Carl Van Loo; 1705–1765) – французский живописец, самый известный из династии Ванлоо, происходившей из Голландии и обосновавшейся во Франции во второй половине XVII в.]

– Пожалуй, нет.

– Шарль Амедей Ванлоо увековечивал на холсте преходящие детали нашей повседневной жизни, такие как мыльные пузыри, карточные домики, свет угасающего фонаря... Он придавал ценность этим обыденным вещам, удерживая их в прекрасной мимолетности. Что удивительного в рассыпавшемся карточном домике, лопнувшем мыльном пузыре или погасшем фонаре? – Я отодвинулся от окна, за которым неистовствовали последние яркие лучи заката. – Если бы мы обнаружили тело спустя несколько дней, нас бы вывернуло наизнанку от невыносимого запаха. Разложение сделало бы вид тела отвратительным, а возможно даже, останки сорвались бы с крюков и расплющились об пол. Полагаю, тогда эффект, ожидаемый нашим «художником», был бы испорчен.

– Вы хотите сказать, что... он подписал свое преступление как некое произведение искусства?

– Скажем так: он особенно тщательно позаботился о композиции сцены преступления.

* * *

Пузан производил на меня впечатление пришельца из страны, лишенной водоемов и гор, зелени и голубого неба. Оторопелый ребенок, перед которым внезапно открылись глубинные истоки жизни.

– Комиссар, сколько у вас людей?

– Пятеро.

– Вот так армия! – вздохнул я. – Ну что же... Тогда приналягте на опрос соседей. Я хочу знать все об этой женщине. Где она бывала, с кем встречалась, ходила ли в гости и к кому. Посещала ли библиотеку, церковь, бассейн? Ознакомьтесь с кругом ее чтения, ее телефонными счетами, проездными билетами. Короче, меня интересует все, что имеет к ней отношение. Кроме того, вы в кратчайшие сроки доложите мне, где можно раздобыть подобное оборудование, в частности блоки и карабины, в столь внушительном количестве, а также все эти снасти и крюки. Обойдите местные клубы скалолазов. Опросите кассиров ближайших супермаркетов, скобяных лавок, аптек. Кто знает, может, наш душегуб имеет какую-то привлекающую внимание отличительную черту. Ничем не следует пренебрегать. Поскольку вы не слишком опытны в уголовных делах, за расследованием будет наблюдать кто-нибудь из наших. Готовы ли вы, комиссар?

Повисшие кончики его усов вздрогнули, как прутик лозоходца.

– Целиком и полностью!

– А мы с вами, Сиберски, прежде чем нанести визит судмедэксперту, чем-нибудь перекусим. Начальство предупредило меня, что Ван де Вельд ждет нас в своей берлоге к десяти вечера...

– Я... мне обязательно идти с вами?

– Давно пора оторваться от компьютера и базы данных... Первое вскрытие, на котором ты лично присутствуешь, – это как впервые выдрать зуб. Потом вспоминаешь об этом всю жизнь...

* * *

Вскрытие начинается с детального осмотра обнаженного трупа, за ним следует описание состояния кожных покровов, основных физических характеристик, а также видимых признаков смерти. Строгая процедура требует осмотра обратной стороны трупа, включая волосяной покров...

Попадая в прозекторскую, я всякий раз ощущал, как распадается мое естество, словно невидимая волна бьется во мне, отделяя человека от полицейского, верующего от ученого.

Человек молча, с отвращением наблюдает за совершающим слишком механические, слишком формальные действия профессионалом, защищенным перчатками и злым лицом. Человек знает, что ему нечего здесь делать, что это крайнее оскорбление для тела, для всего человеческого, что это порочит его и будет преследовать в мыслях, в сновидениях всю жизнь, до самого смертного порога.

...После внешнего осмотра происходит собственно вскрытие.

Волосяной покров: рассечен по линии, идущей через макушку от одной позадишной области к другой; с обеих сторон стянут вперед и назад; свод черепа распилен по окружности, захватывающей лоб, виски и затылок, открывая оба полушария головного мозга. Дополнительный осмотр после отслоения твердой мозговой оболочки: непосредственное обследование кости, поиск переломов, смещений или труднее поддающихся обнаружению следов сколов и трещин...

Человеку хочется сжать в объятиях это распростертое на столе из нержавеющей стали тело, тихонько опустить ему веки, ласково коснуться рукой его губ, чтобы они улыбнулись в последний раз. Верующий мечтает накрыть его узорчатым полотном, а потом, прежде чем унести его куда-то вдаль, под сень кленового и дубового леса, прошептать ему на ухо нежные слова.

...Длинный срединный разрез от подбородка до лобка. Кожа и мышцы раздвинуты по обе стороны грудной клетки и брюшной полости; ключицы и ребра распилены при помощи костотома[3 - Костотом – реберные ножницы.]. Шейные мышцы: рассечены послойно... Язык аккуратно притянут вниз. Пищевод, трахея и сосуды разрезаны...

Полицейский защищает себя шорами, пытается не замечать анатомические весы с острым крючком для взвешивания органов, изумрудно-зеленые кубики мышц брюшной полости трупа, страшную резню, учиненную судмедэкспертом над тем, что было человеком. Благодаря магическому действию антисептиков, под латексной пленкой или бумажным респиратором, он смягчает реальность, делает ее более терпимой. Потом он прислушивается к тому, что говорит ему сама Смерть, что-то записывает, задает технические вопросы, ответы на которые помогут расследованию. Труп становится предметом изучения, потухшим вулканом, пересеченной местностью, в каждой складке которой таится жуткая история его последних минут. Раны шепчут, синяки и кровоподтеки складываются в странные узоры, так что, приглядевшись повнимательнее, можно обнаружить мрачные глаза убийцы или блеск остро заточенного лезвия.

...Взвешивание всех органов перед препарированием. Забор крови для токсикологического исследования (по правилам он производится из крупных сердечных сосудов)...

Но тут полицейский и человек задумываются о Сюзанне и, точно подсознательный образ, возникший перед их глазами, внезапно обнаруживают ее здесь: обнаженную и белую как мел, распластанную на столе вместо этой неизвестной девушки. Может быть, где-то поблизости или на другом конце страны, в овраге или в хрустальных водах какой-то речки, ее тело ждет, чтобы его избавили от страданий, чтобы рука милосердия оказала ему услугу, осторожно упокоив в мирном и безмятежном месте.

Полицейский и человек пытаются вспомнить жаркое тепло ее тела, его аромат и бесконечную свежесть ее поцелуев, но фильтрующие сетки отталкивают лучшее, чтобы пропустить худшее. Воздух здесь смердит протухшей падалью, в удушливой атмосфере не смогла бы пролететь бабочка. Здесь зло призывает зло, жестокость порождает зверство, вера и то, что делает человека прежде всего человеком, поруганы наукой. Здесь, в жалящих лучах искусственного освещения, темно, как в гробу.

...Третий ход. Вскрытие желудка по поверхности большой кривизны для исследования и консервации его содержимого. Изъятия: печень, селезенка, поджелудочная железа, кишечник, почки.

Осмотр внутренних женских половых органов. После эвисцерации[4 - Эвисцерация - извлечение внутренних органов трупа с целью их детального изучения.] целостное обследование скелета в целях обнаружения всех костных повреждений.

Поймав себя на надежде, что своими откровениями труп положит конец моим собственным мучениям, я осознал, что этот факт характеризует меня как худшего из самых злостных преступников...

* * *

Многих интересовала частная жизнь лучшего специалиста Парижского института судебно-медицинской экспертизы Станисласа Ван де Вельда. Кое-кто подозревал, что он предается фантазиям над сменяющимися друг друга на препараторском столе трупами, испытывая некрофильское влечение к патологии и гниющей плоти. Тогда как другие, видя, что он день и ночь сидит взаперти в своем фаянсовом склепе, представляли его каким-то зверем преисподней, замкнувшимся в мрачных глубинах доведенной до крайности науки.

Лично я, вопреки злым языкам, считал этого человека, с черными, как уголья, глазами на выразительном лице и остроконечной бородкой, стремящимся к истине профессионалом, современным инквизитором, счищающим внешние наслоения, чтобы обнаружить скрытую под ними суть. Ученым, преследующим те же цели, что и я.

Возле меня устроился лейтенант Сиберски с белым от антисептика кончиком носа и лицом, в каждой мельчайшей морщинке которого читалось беспокойство. От ужаса при виде наготы растерзанного трупа и стекающих жидкостей, проложивших себе дорожку вдоль всего стола до слива, он весь покрылся гусиной кожей.

Второй медик бормотал что-то в диктофон, согнувшись в три погибели в глубине зала и подперев щеку рукой. В знак приветствия он лишь устало махнул нам.

Возле анатомических весов я поставил пакетик с кунжутом:

- Это для вас. Потом съедите...

Ван де Вельд ответил мне леденящей душу профессиональной улыбкой судмедэксперта:

- Спасибо, господа. У меня для вас груда новостей. Этот труп - золотая жила.

Сравнение показалось мне неуместным. Как если бы кто-то прикатил на похороны в ярком костюме и бросил что-то вроде: «Я ж предупреждал его в тот вечер, чтобы он не садился за руль...»

- Мы все внимание, доктор, - бесцветным голосом ответил я. - Расскажите самое важное, старайтесь избегать ненужных подробностей.

- Отлично. Итак, - Ван де Вельд кивнул, - процесс трупного окоченения не мог протекать нормально, поскольку стягивающие жертву шнуры удерживали тело в вынужденном положении. Поэтому мне трудно определить точное время смерти, однако, судя по синюшной окраске трупа, а также по результатам глубокого ректального измерения температуры, произведенного на месте преступления, я бы сказал, что смерть наступила между часом и тремя ночи.

Он обошел стол, словно чемпион по бильярду, раздумывающий над положением своих шаров.

Обведя помещение взглядом, я разглядел осколки костей даже на лампе с зеркальным отражателем под потолком. Ножницы, кусачки, молоток-секач, хирургическое долото Мак-Ивена, ножи для рассекания мозга пускали с хирургических столиков странные голубоватые металлические лучики. Я тайком сжимал кулаки, пока судмедэксперт излагал свои выводы в точных и выверенных, как грани пирамиды, выражениях.

- Удар по голове, произведенный плоским широким предметом, не повлек за собой смерть. На месте преступления кровь из сонной и позвоночной артерий разбрызгана даже по стенам. Следовательно, голова была отрезана, когда сердце еще билось.

Сиберски шумно сглотнул:

– Отрезана каким образом?

– Я к этому и веду. Тончайшие металлические частицы, обнаруженные в районе подъязычной кости, а также ее четкий распил не оставляют сомнений относительно использованного инструмента: это пила Шарьера или пила Саттерли, точно такие же, как те, что используются при вскрытии.

Он отошел от стола, чтобы взять из стального кювета несколько лоскутков сердца. По дороге он проглотил пригоршню кунжутных зерен. Пытаясь избежать страшного зрелища, Сиберски не поднимал головы от своих записей. Но я был уверен, что, несмотря на все усилия, изувеченный труп стоял у него перед глазами, неизгладимо запечатлеваясь на его сетчатке.

Указав на пилу, я спросил судмедэксперта:

– А где можно достать такой инструмент?

Зернышки застряли у него между зубами и в углублениях десен. Щелкнув языком, он избавился от большей части из них.

– В специализированной компании, например «HYGECO»[5 - Международная компания, начала свою деятельность в 1887 г. Является одним из крупнейших в Европе производителей оборудования и продукции, предназначенных для моргов, судебной медицины. А также выпускает средства гигиены, которые относятся к данной области.]. Можно купить прямо в фирме, или заказать по телефону, или даже через Интернет.

Медик подождал, чтобы лейтенант дописал фразу. Воспользовавшись этим, я задал еще один вопрос:

– Нужны ли особые навыки, чтобы управляться с этими пилами?

– Да нет, следует только разумно одеться, потому что, если режут по живому, особенно там, где широкие, как реки, артерии, кровь брызжет фонтаном...

Перо в руках Сиберски замерло.

Я сухо приказал:

- Не ждите его! Продолжайте, доктор!

Ван де Вельд склонился над трупом, и его тень, точно рука привидения, распласталась на плиточном полу.

- Сухость ее слюнных желез свидетельствует о значительной атрофии, что указывает на многочасовое анормальное слюноотделение. На резцах я обнаружил следы полимеров красного цвета, а слюна стекала на пол и по ее губам на шею. Видимо, чтобы заставить ее держать рот открытым и помешать шевелить языком, то есть нормально сглатывать, он что-то вставил ей в рот, какой-то пластмассовый предмет.

- Кляп?

- Разумеется. Однако особый кляп. Тряпки, лейкопластырь не вызывают слюноотделения. Изучать следует...

Когда он произнес «следует», у него изо рта вылетело кунжутное зернышко и шмякнулось на ладонь Сиберски. Тот даже не шелохнулся. Ван де Вельд продолжал:

- Я констатировал различные признаки жизненной реакции вокруг сорока восьми ран. Обесцвечение, загрязнения, более или менее успешное рубцевание, что свидетельствует о том, что они были нанесены в самые разные моменты.

Я оперся рукой о препараторский стол и тотчас отдернул ее: меня точно обожгло металлическим холодом.

- А по времени?

- Между первыми и последними прошло много часов. Он начал снизу, а потом поднялся к лицу. Долгое и мучительное предприятие... Однако никаких признаков пенетрации, никакого повреждения половых органов.

- То есть никакого полового сношения? Даже с презервативом?

– Абсолютно никакого. Увлажняющая смазка оставляет следы. Я не обнаружил их ни во рту, ни во влагалище, ни в заднем проходе.

Сиберски взглянул на меня поверх своего блокнота. На его губах пузырилась горькая пена, веки дрожали. Он стиснул зубы, и я догадался, что он едва сдерживает рвоту.

– Теперь перейдем к глазам, – продолжил медик.

Голова лежала лицом в потолок, сантиметрах в тридцати от собственного тела. Из зияющей дыры шеи свисали сухожилия и связки, натянутые, точно вот-вот лопнут, или свитые в тончайшие колечки, наподобие крошечных пружинки. Посреди этих лиловатых переплетений, между двумя стенами плоти, возвышался белый обелиск спинного мозга.

– Он подвел лезвие за веки, чтобы перерезать зрительный нерв. Извлек глазные яблоки из орбит, а потом вставил их на место таким образом, чтобы направить зрачки, то есть взгляд, вверх.

– Почему бы просто не надавить на глаз, чтобы обратить зрачки в желаемом направлении? Зачем вынимать глазные яблоки, а потом засовывать их обратно? – прошептал измученный Сиберски.

Судмедэксперт стянул желтую нитриловую перчатку, поковырял ногтем между зубами, резко сплюнул кунжутную шкурку на пол и только потом ответил:

– Следует знать, что во время насильственной смерти глаза застывают в определенном положении и что из-за окаменения конусообразных и косых мышц изменить направление взгляда практически невозможно. Вырвав глаз из орбиты, ему затем можно придать любое положение.

– Очень интересно, – вставил я, подсовывая руку под подбородок жертвы. – Полагаю, то же можно сказать и относительно кусочков дерева во рту? Единственный способ оставить его открытым?

– Совершенно верно.

Я обернулся к Сиберски:

– Он хотел оставаться хозяином этого лица даже после смерти. Он придает огромное значение мизансцене. Совершенно очевидно, что эти молитвенно возведенные глаза, этот вопиющий рот имеют для него особый смысл.

Карандаш лейтенанта, спотыкаясь, поскрипывал в полярной стуже помещения.

Тут взорвался мой внутренний Везувий:

– Прекрати записывать! Завтра доктор вручит тебе толстущий, как телефонный справочник, доклад! Так что будь спок, понял?

Тяжелый день сильно взвинтил меня, так что я стал очень раздражителен. Утром я еще был в Лилле, у родных Сюзанны, а теперь, после полуночи, моему взгляду представлялась пустая форма, отвратительная, скрючившаяся, зияющая и разделанная, ставшая уже добычей армий тьмы.

– Ах да! – воскликнул судмедэксперт. – Вы же хотели сразу услышать самое главное, наверное, мне надо было с этого начать. Под языком я обнаружил монету. Старинную монету в пять су. Вам известно значение этого символа, комиссар?

– Монета позволяет попасть в рай или ад, – вмешался Сиберски. – Согласно мифологии, усопший вручает монету Харону, перевозчику на реке ада, чтобы пересечь Стикс. Без монеты умерший обречен вечно скитаться под землей, в Тартаре.

Dead Alive, Живой Труп, как называли его наши ребята, кажется, был ошеломлен внезапным ответом лейтенанта.

– Да. И все-таки это странно, – добавил он. – Убийца истязает жертву самым жестоким способом и одновременно заботится о том, чтобы избавить ее от страданий в потустороннем мире?

Засунув руки в карманы халата, к нам подошел медик, окопавшийся в глубине прозекторской. Он был похож на огородное пугало, испугавшееся собственной

тени.

– Монета во рту может также быть чем-то вроде авторской подписи...
Особенностью, которая позволила бы ему отличиться от других, – ответил я, жестикулируя для убедительности. – Она может также быть каким-то тайным знаком или одним из основных элементов его жуткой постановки – элементом, без которого он ощущал бы ее незавершенность. Есть тьма толкований. Главное – найти верное.

Будто кокаин в токсикомана, проникали в меня улики, обнаруженные судмедэкспертом. Слушая, как он описывает детали, которых я ждал, словно лакомства, я ощущал особенное возбуждение.

В этот момент волна стыда оторвала меня от земли, захлестнула, подхватила, так что я оказался прямо над трупом, стиснула мне челюсти, почти засунув мне в рот свои испачканные землей пальцы, так что лицо мое оказалось в двух сантиметрах от лица трупа...

«Смотри на эту несчастную девушку, бездушный говнюк! – орал внутренний голос. – Разве мало она страдала? Оставь ее в покое! Оставь ее в покое!»

Человеку удалось прогнать полицейского...

– И последнее. И я полагаю, что на этом мы покончим с самым важным, – заключил невозмутимый медик. – В ее желудке содержалось больше литра воды, которую мы отправили в лабораторию на анализ. Думаю, драгоценная жидкость поведает нам много интересного. Я вам позвоню, как только получу результаты. Возможно, уже завтра.

Кивнув в сторону хромированного стола возле западной стены, я спросил:

– Я могу забрать фотоснимки?

– Хорошего вечера. – Он протянул мне папку и, больше не обращая на нас внимания, заговорил со своим ассистентом, продолжая сплевывать на пол зернышки кунжута, словно старичок – свои последние зубы.

В тусклом свете луны лицо Сиберски приобрело рыжеватый оттенок. Ему было непривычно оказаться так близко к смерти, вдали от слов и делопроизводства.

Я заметил этого молодого полицейского в декабре 1998 года, в ходе расследования одного смутного дела о приведшем к убийству сексуальном рабстве. Тогда он работал в комиссариате Аржантёя, в мерзкой дыре, и в качестве инспектора, служащего при канцелярии, бо?льшую часть рабочего времени проводил, подавая сотрудникам кофе. Во время следствия качество его докладов, дерзкое остроумие его выводов, а главное, его владение компьютером произвели на меня глубокое впечатление. Я вытащил его из провинциальных застенков, представив и поддержав его кандидатуру в префектуре полиции Парижа, и он примкнул к моей команде как полицейский-контрактник. Он по-прежнему занимался писаниной, но уже не подавал кофе. Спустя два года (то есть всего четыре месяца назад) он по конкурсу прошел на должность офицера криминальной полиции. Это был парень лет тридцати, любитель покопаться в библиотеках и пыльных делах, забытых историях и компьютерных файлах. Думающий, живой, активный, испытывающий настоящую аллергию к металлу своего кольца 11/48. Важный элемент моей команды, конь на шахматной доске улицы...

Мы шли вдоль набережной Рапе, а за нами стлался запах смерти. Его источали наши подошвы, складки нашей одежды; он угнездился в самой глубине наших мыслей. Перед нами бесцельно брел пес с торчащими ребрами, вдруг он остановился, уткнув нос в наши башмаки и как будто догадавшись, до какой степени наши измученные души блуждают в небытии. Простая дворняга с рваными ушами, бродячая помойка с рассеченной осколками стекла пастью, многократно побитая клошарами. Глядя, как она растворяется в темноте, я неожиданно для себя сказал Сиберски:

– Расскажи мне о каком-нибудь своем фантазме. О первом, что придет в голову...

Он отреагировал так, будто прямо перед ним разорвалась шутиха:

– Как это, комиссар? Но...

– Давай, давай! Расслабься... Я тебя слушаю.

Я встал лицом к Сене, засунув руки в карманы брюк и глядя на мерцающие вдали огни города.

– Ладно, – с сомнением в голосе пробормотал полицейский. – Э-э-э... Вы знаете Долли Партон?[6 - Долли Партон (Dolly Parton; р. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса, имеет титул «Королева кантри».]

– Кантри-певицу? Нэшвилл и ковбои? «Some Things Never Change»? Обожаю!

– Ну да... Я... Нет, я не могу рассказать вам!

Кажется, даже голос у него покраснел.

– Хорошо, – ответил я. – Больше ничего не говори. Тогда представь: ты с Долли Партон, ты готов реализовать свой фантазм. Все обстоятельства сошлись благоприятно. Твои желания могут стать реальностью, надо только действовать. Но есть одно условие, и серьезное: ты должен удержаться от сексуальных сношений с ней. Ты можешь наслаждаться, прикасаться, ощущать, но не вступать в сексуальные сношения. Может ли в таком случае быть удовлетворен твой фантазм?

Мы стояли плечом к плечу у парапета набережной. На поверхности воды, превращаясь в подвижные витражи, дробились отблески света.

– Нет, это решительно невозможно. Я не сдержусь.

– Подумай немного и найди мне один-единственный фантазм, когда ты мог бы обойтись без сексуальных сношений.

Он поднес руку ко лбу. Потом запустил пятерню в свои приглаженные каштановые кудри:

– Таких нет. Во всех моих фантазмах есть сексуальная доминанта. Как и в ваших, и в фантазмах любого человека, впрочем. Разве не об этом толковал Фрейд?

– Не совсем. Судя по твоим литературным познаниям, ты должен бы знать. Существует два типа фантазмов. Сексуальные, как твои, мои и, как ты верно

заметил, большинства других людей. С ними переплетаются так называемые фантазмы всемогущества: миф об успехе, об абсолютной власти, о полном господстве. Мечты о прекрасных автомобилях, богинях на взморье, невероятном богатстве... – Я взглянул в лицо своему коллеге. – А теперь поставим себя на место убийцы. Я бы хотел, чтобы ты сыграл роль. Ты – этот убийца. Ты бог знает каким способом вот уже некоторое время изучаешь поступки и события жизни хорошенькой женщины. Дни, недели, быть может, даже месяцы. Ты чувствуешь, как в тебе растет жгучее желание. Правда? Играй свою роль и отвечай начистоту.

– Дайте подумать... Я вижу ее... Я преследую ее, уже давно наблюдаю за ней... Мне все труднее и труднее сдерживаться. Она одна, она желанна. Я знаю, что могу овладеть ею без всякого риска. Только от меня зависит когда и где.

– Так, хорошо. Теперь все готово. И вот однажды вечером ты овладеваешь этой девушкой. Ты делаешь с ней все, что тебе хочется. Как будто это Долли Партон...

– Да, она передо мной, спит... Я... я сделал этот шаг. Отступить поздно. Она... в моей власти...

– Она твоя. Ты раздеваешь ее. Очень медленно. И связываешь, чтобы подчинить своим желаниям, даже самым безумным. Что ты испытываешь в этот момент?

Он прикрыл глаза. Его воображение мгновенно предложило ему возможный сценарий.

Слова плавно потекли с его губ...

– Я неторопливо привязываю ее, потому что это возбуждающий момент... Я... я хочу ее. Но... не теперь... Я должен дойти до края...

– До края чего?

– Чего? Моих желаний...

– Каких?

- Не знаю... Я просто действую.
 - И что же ты делаешь?
 - Подвешиваю ее. Тяну за шнур и приподнимаю...
 - Она проснулась?
 - Да... Просыпается... Медленно...
 - Как она реагирует?
 - Боль, которую выражает лицо, сводит меня с ума. Она знает, что сейчас умрет...
 - И тогда ты начинаешь кромсать... Один, два, три... сорок восемь разрезов... Несколько часов подряд... Что происходит в твоей душе?
 - Я... - Он встряхнул головой. Его расширенные зрачки напоминали два черных солнца. - Хватит, комиссар... Я больше не могу. Я не понимаю эту сволочь! Зачем вы меня об этом спрашиваете?
 - Чтобы доказать тебе, что этот тип думает не так, как мы. Никто из нас не мог бы совершить подобного ужаса с такой скрупулезностью, не спеша, в течение многих часов, когда желание изнасиловать ее даже не пришло ему в голову.
- Сиберски отступил на три шага:
- Но это невыносимо! Он точно сдерживался от половых сношений! Из боязни оставить следы!
 - Представь, что ты имеешь патологические склонности. Мог бы ты в подобной ситуации удержаться и не изнасиловать ее?
 - Нет, не думаю...

– Я прочел достаточно журналов, которые выпускает Парижское психоаналитическое общество. Со всей очевидностью установлено, что сексуальные импульсы, так же как боль и страх, не поддаются контролю. Если кто-то обжигается, прикоснувшись к горячей газовой горелке, что он делает? Отдергивает руку, потому что не может себя КОНТРОЛИРОВАТЬ. В худшем случае наш убийца надел презерватив, но все же он ее изнасиловал – до или после смерти... Нет. Этот тип действует согласно другим установкам, отличающимся от простого акта убийства.

– Тогда по мотивам мести?

Я отрицательно покачал головой:

– Гнев всегда проявляется во время акта возмездия. Охваченный гневом убийца не может быть организованным. Не будем забывать пред- и посмертные аспекты, мизансцену, желание произвести мощный эффект... Я бы скорее склонялся к фантазму всемогущества...

– Какому?

– Не знаю... Например, возможности заставить страдать, принять себя за палача. Или желание господства, которое достигает своего удовлетворения, только когда он лишает жизни...

Сиберски был невероятно проницателен. Он дополнил:

– Все психоаналитики утверждают, что никакой фантазм никогда не бывает полностью удовлетворен, так?

– В точку. Продолжай...

– В совершении акта, призванного представить материализацию фантазма, всегда отмечается какая-то досадная мелочь, деталь, требующая начать сначала, снова и всегда, чтобы превзойти идеал, которого невозможно достичь... Опять в точку?

– Да.

– Значит, если вы правы и речь действительно идет о фантазме всемогущества, наш убийца, возможно, стремится повторить акт, чтобы приблизиться к идеалу?

– Я вовсе этого не говорил, несчастный! Ты отдаешь себе отчет в важности своих слов?

Я размеренными шагами двинулся прочь, Сиберски последовал за мной. Теперь он говорил нравоучительным тоном:

– Я уверен, что в глубине души вы думаете так же, как я. Однако боязнь того, что вы окажетесь правы, мешает вам признать это. Я не знаю, какие темные силы порождают этих демонических существ и по каким законам вероятности или случайности в тот или иной момент человек скатывается на дурную сторону. Зато я знаю, что они существуют, они прячутся за нашими дверями, в закоулках наших улиц, и они готовы действовать. И стоит им попасть в эту убийственную спираль, как ничто уже не в силах остановить их. Он снова возьмется за свое!

– Не горячись, малыш... Не горячись...

Устроившись в моем «Рено-21», мы, придавленные липким молчанием, в приглушенном свете уличного фонаря просмотрели фотографии. У меня в горле ежом ворочался колючий вирус отвращения.

Сиберски качал головой, губы его были плотно сжаты, лицо словно рассечено контрастными тонами снимков.

Несмотря на страшную усталость, по дороге я кратко ввел его в курс дел на ближайшие дни:

– Выдели двоих на поставщиков медицинского оборудования. Не каждый день приобретают такие пилы... Попытайся разузнать, что сейчас происходит на ниве садомазохизма, в частности в деле связывания. Я уверен, что нам придется влезть в эту пакостную среду. Такой продвинутый пользователь, как ты, разумеется, уже имел дело с системой обработки информации по установленным преступлениям?

Эта система предлагала гигантскую базу данных, содержащую миллионы записей, и позволяла с помощью многокритериального поиска установить связи между разными зарегистрированными уголовными делами.

– Ну конечно да. Например, по делу убийцы из Нантера. И во многих других случаях тоже, для самообразования.

– Отлично. Тогда запроси файл. Задай смешанный поиск. Отрезанные головы, пытки, крюки, повешения, вырванные глаза. Короче, подкорми компьютер. Дай ему схавать все, что нам известно. Не пренебрегай ничем. Если ни черта не найдешь, привлеки полицию Евросоюза, запроси через Леклерка Интерпол и его Французское отделение, Центральное национальное бюро. Отправь своих ребят в библиотеку. Я хочу знать как можно больше про эту историю с монетой во рту. Заодно пусть поинтересуются мифами и кровавыми ритуалами. Ладно, иди спать. Как жена?

– Роды приближаются семимильными шагами. Может, еще до конца следующей недели... давно пора. Ее уже больше полутора месяцев держат в больнице, а я коротаю вечера в одиночестве. Эта беременность сушая мука. Будем надеяться, ребенок родится здоровым...

* * *

В жилах моей соседки по лестничной площадке Дуду Камелиа текла изумрудная кровь Амазонии. Из квартиры семидесятилетней гвианки распространялись ароматы креольских специй, имбиря, котлет из трески и сладкого картофеля. Ее муж, потомок длинной династии золотоискателей, сорвал большой куш, обнаружив золотую жилу среди извилистых лабиринтов реки Марони во Французской Гвиане. Он вытащил жену и детей из беспросветной нужды, обосновавшись в Париже со своими драгоценными самородками и полным незнанием западного мира. В 1983 году он дал дуба где-то между Сен-Жермен-де-Пре и Монпарнасом, получив три ножевых удара в спину, так как имел несчастье улыбнуться членам крайне правой группировки «Радикальное Единство». В тот вечер мои коллеги обнаружили Дуду Камелиа, одетую во все черное и стенающую, прижимая к груди распятие, хотя теоретически она не могла еще знать о кончине мужа.

Входя в транс, она всякий раз заверяла меня, что моя жена жива. Что она заперта в каком-то сыром и гнилом помещении, распространяющем облака зловредных испарений. Она ощущала запах грибов, плесени, стоячей воды и мангровых лесов. При этом, несмотря на старые кости, она садилась по-турецки, скрестив ноги, и втягивала ноздрями воздух наподобие опытной ищейки. Я верю в уравнения, в математический расчет, который управляет законами и мыслями, в логику. Но я и подумать не могу, чтобы строить свою жизнь, а тем более жизнь моей жены на неправдоподобных вымыслах и сомнительных заявлениях полубезумной старухи.

В тот самый момент, когда я, утомленный прошедшим днем, вставил ключ в замочную скважину, она запустила узловатые, словно корни, пальцы в мои волосы, и я ощутил, как какая-то теплая аура обволокла все мое тело.

– Ты пахнешь смертью, Даду... Иди за мной! – приказала она мне голосом, напоминающим потрескивание старого дуба.

Она носила одежду огненной расцветки, перехваченную на слоновьей талии длинной белой веревкой. Ее лоб цвета черного дерева разъедал пот – наверняка она только что вышла из состояния транса.

В ее жилище лежало плотное облако благовоний с запахом цветков апельсинового дерева. Желтые языки пламени свечей плясали вокруг стоящей на ковре клетки с канарейками. Птички неподвижно сидели на ветке, будто сделанные из раскрашенного гипса.

Она предложила мне кресло с плетеным из ротанга сиденьем.

– Я чувствую в твоей кваттиве плохое. Очень плохое, Даду. Не входи туда!

Едкая соль сжигала ее сморщенные губы. В бездонной пещере ее рта сталактитами торчали редкие обломки зубов.

– Какого рода? – с любопытством поинтересовался я.

– Дьявол, Даду! Человек без лица! Он пришел на Землю, чтобы распространять зло! – Она крепко поцеловала распятие с оловянным Христом. Затем подняла

клетку, птички вылетели, образовав облако перьев, и уселись на юкку, тесно прижавшись друг к другу. Их глазки, словно угольки, сверкали в рассеянном свете.

Меня ни с того ни с сего до костей пробрал озноб.

– А на что похож этот дьявол, Дуду? И почему он прячется в моей комнате?

Она отправила себе в глотку два добрых глотка бурбона – сорокапятиградусного виски «Four Roses». Ее передернуло, и старая шея раздулась, как у черепахи, когда та втягивает голову под панцирь.

В ее взгляде мне виделись когти тигров, разверстые пасти змей, челюсти пауков-птицеедов, я увидел в них первобытный, звериный страх, охристую смесь ужаса и непонимания.

– Не могу сказать, Даду. Просто знаю, и все тут. Не входи туда.

– Я буду очень внимателен, обещаю тебе.

Я поднялся и сквозь туманную пелену благовоний направился в сторону двери. Старуха разразилась рыданиями:

– Даду, я слышу, как они завывают...

– Да кто? Собаки? Все еще воют?

– Воют. Они воют днем и ночью, Даду... Они никогда не оставляют меня в покое... Приходят ко мне даже во сне... – От следующего глотка виски у нее перехватило дыхание. – Ну что же, Даду, иди. Иди, но будь внимателен.

Я осторожно закрыл за собой дверь. Хоть я не верил в эту галиматью, все же, прежде чем войти в гостиную, вытащил свой «глок».

Ничего не изменилось: печаль и покой продолжали свой нелепый поединок на всплесках тишины.

Ворочаясь в постели, я волей-неволей стал сравнивать это чудовищное убийство с наводящими ужас словами Дуду Камелиа. В ее взгляде я различил нечто, что невозможно симулировать, обладающее реальной мощью пугающее предчувствие. Я подумал о канарейках, об их кружащихся в воздухе желтых перышках, о неизбывном мраке жизни старой женщины. Несмотря на тепло постели, от внезапного приступа страха волосы на моем теле встали дыбом.

У меня в мозгу, вызывая шквал вопросов, вертелся разговор с лейтенантом Сиберски. Не припомню, чтобы мне когда-нибудь случалось обнаружить столь зверски изувеченное тело. Помимо причиненных жертве чудовищных страданий, на память приходила также сложность создания мизансцены и ее невероятная подготовленность. Фантастическая энергия, которую должен был потратить убийца, чтобы соорудить свою систему блоков и прицепить к ним тело, ошеломила меня. А все эти продуманные детали, нарочито оставленные как послание? Монетка во рту, вырванные и воткнутые обратно глаза, деревянные клинья между челюстями?

Наконец этот мрачный хоровод мыслей оставил меня, и я отбыл с караваном сна, а с горизонта к небу уже тянулись первые лучи зари.

Глава вторая

С трудом проснувшись, я принялся за почту, накопившуюся в компьютере за время моего пребывания в Лилле. При помощи технологий и возможностей Интернета я приобрел уйму безликих и безымянных друзей, далеких, но все же таких близких мне. Имена пользователей Интернета, недоумевающих по поводу молчания Сюзанны. Я так и не решился ответить им, признаться, что моя жена пропала и что спустя полгода я, комиссар Центрального управления судебной полиции Парижа, по-прежнему не знаю, жива ли она еще.

Заголовок последнего сообщения, безлико подписанного «XXX», окатил меня адреналиновой волной: «Ну, понравилось тебе?» Когда, открыв письмо, я обнаружил цифровую фотографию фермера, внаклонку собирающего свеклу на своем поле, я решил, что имею дело с шутником.

Однако текст, помещенный под картинкой, оказался вне пределов моего воображения.

Дорогой друг, я просто хотел поделиться с тобой письмом, только что отправленным мною матери очаровательной барышни, с которой ты недавно встречался. Мне будет очень обидно, если она не пришлась тебе по вкусу, потому что я потратил чертову уйму времени, чтобы обработать ее. Буду рад новой встрече...

«Дорогая мадам Приёр,

до наших дней у австралийских аборигенов Питта-Патты сохранилась традиция: когда девушка из племени достигает половой зрелости, отпраздновать это событие собираются все: мужчины, женщины и дети. Служитель культа, мужчина в возрасте, расширяет влагалищное отверстие, разрывая его книзу тремя пальцами, связанными шнурком из кожи опоссума. В других регионах промежность вспарывают при помощи каменного лезвия. Я избавлю вас от необходимости рассматривать лежащие сейчас передо мной фотографии. Как правило, эта операция предшествует принудительным половым актам со многими молодыми мужчинами, как минимум с десятком... Я мог бы последовать столь замечательному примеру и применить подобный прием к вашей дочери, но принял решение поступить иначе, согласно моей собственной методе, которую, надеюсь, вы оцените по достоинству. Прежде всего, если это вас утешит, знайте, что я не трахнул вашу дочь, хотя мог бы, если бы захотел.

Сперва я раздел ее. Мне понадобилось более двух часов, чтобы связать ее, опутать всю, лишив возможности малейшего движения. Для меня было честью работать на прекрасном, бархатистом, тончайшем полотне ее тела. Разумеется, можете не сомневаться: прежде чем вонзить крюки в ее плоть, я подождал, пока она не проснется. О, если бы вы только видели, как она билась! Боль и наслаждение, словно два тела с одной головой: они отталкивают друг друга, но не могут обойтись одно без другого, и я думаю, прежде чем умереть, она это осознала.

Когда я прикасался лезвием к ее маленьким твердым грудям, плечам, пупку, кожа на них раскрывалась, подобно экзотическому цветку. Скрупулезно прочитывая ее тело, я находил ответы на все свои вопросы, я понимал, почему я это делаю и чего добиваюсь. Можете быть уверены, я сумел оценить глубину слоев ее плоти, ощутить, как от боли топорщились волоски на ее бедрах. Она вдоволь насодрогалась, непостижимые волны наступали и отступали, напоминая те, что предшествуют крику блаженства. Или страдания?

Она перенесла свои ранения, как brave солдат, не только вытерпев их, но и приняв, осознавая, что все трудности – это непреложный закон природы. Она покинула нас, любя бытие, за которое она пала. Вы можете ею гордиться.

Там, наверху, ее хорошо примут, не сомневайтесь. Поврежденные латы в очах Господа стоят гораздо дороже, нежели новая медь, и я убежден, что Он осушит ее слезы. Смерти не будет, не будет ни скорби, ни крика, ни боли. Ей будет хорошо...

Таковы были последние прекрасные минуты вашей дочери, этой женщины, о которой теперь мы можем сказать, что в своем последнем хрипе она, несомненно, прокляла как своих родителей, так и день, когда появилась на свет...

Счастье должно быть исключением, испытание – правилом.

Некто, отныне значащий для вас больше,
чем любой другой...»

От этих слов я окаменел в отвращении, на краю гниющих пропастей ярости, бешенства, желания сдавить мир до тех пор, пока мне не удастся извлечь из него эту порождающую преступников поганую субстанцию. Я ощущал, как угнетает меня собственная беспомощность, та оскорбительная легкость, с какой распространяется зло, ранит, даже не прикасаясь. В этот момент слова Дуду Камелиа прозвучали во мне как возвещающий беду далекий набат: «Я чувствую в твоей кваттиве плохое. Очень плохое, Даду. Не входи туда!»

Ни к чему больше не прикасаясь, уже в следующую страшную секунду я позвонил Сиберски и приказал ему любой ценой перехватить письмо, затем

связался с Тома Серпетти, одним из самых сведущих в компьютерных делах людей, которых мне довелось знать.

* * *

Тома Серпетти летал по волнам Интернета на глассере, достойном гавайского бога. В начале 2000-х годов он, вдохновленный идеями стартап-проектов, покинул свой пост ответственного за безопасность Сети в IBM на площади Дефанс, чтобы получить миллион евро у первой же группы инвесторов, соблазненных его новаторскими идеями и неопровержимым бизнес-планом. В то время он за день дважды менял галстук, пожимал десятки рук, мелькал на всех совещаниях, где следовало показаться. Он арендовал временные офисы в районе Гранд-опера, изо всех сил нанимал питающихся гамбургерами компьютерщиков и позволял бизнесу и общей эйфории набивать ему карманы. По инерции он купил себе старую ферму на юге Парижа, в Буасси-ле-Сек, и годовалого жеребца Королева Романса на торгах в Довиле, потом отошел от дел, при деньгах, когда каштаны стали трескаться [7 - Аллюзия на слова из песни Francine Cokempot «Les murs de poussière» (1977): «Châteaux dans les bois / Se fendent sous nos pas».] на жарком огне биржи. С тех пор он мирно проводил время на скачках или прожигал жизнь, часами вылизывая свою миниатюрную железную дорогу – плод терпения, детского удовольствия и радости созидания. Я тоже заразился его страстью к моделированию, даже воодушевился... Но это было до внезапного исчезновения Сюзанны...

У этого вечного мальчишки игра была в крови, и я думаю, он поубивал бы братьев и сестер, лишь бы выйти победителем за рулеточным столом. Однажды я видел, как в казино Энгин-ле-Бен он до самого закрытия исступленно ставил на «восемнадцать» и потерял все. Но это не важно. Он оставил в тех местах такой неизгладимый след, что с тех пор, стоило ему переступить порог, его называли «сударь». И это Тома Серпетти нравилось.

Наша первая встреча была виртуальной. Она произошла в Интернете на форуме по шизофрении. Брат моей жены, как и брат Тома Серпетти, представлял собой то, что называют шизофреник параноидального типа.

Всю жизнь буду помнить, как осенним вечером, когда ему уже было очень и очень плохо, мой шурин Карл объяснял мне этот излом своего сознания:

– Гидра прячется в изгибах моего тонкого кишечника. Ее голова иногда ныряет мне в желудок, где ей нравится подолгу кормиться. Она питается моей пищей и выводит свои испражнения через мой рот. Это уродливая и ядовитая змея, от которой мне во что бы то ни стало нужно избавиться.

В двадцать два года Карл вспорол себе живот шестнадцатью ударами резака, полагая, что подобное самокалечение является единственным способом изгнания гидры. Теперь он живет на севере, в психиатрической лечебнице в Байоле. Он существует в параллельном мире, чужой собственному телу, напичканный, словно биологическая бомба, ларгактилом, галоперидолом и дролептаном...

Я встретил Тома Серпетти с мрачным видом, будто присутствовал на собственных похоронах.

– Вот здесь все и происходит, Тома. Прежде чем привлекать SEFTI[8 - Service d'Enquete des Fraudes aux Technologies de l'Information (фр.) - Служба расследования мошенничества в области информационных технологий.], я бы хотел услышать твое мнение. Как я уже сказал тебе по телефону, я ни к чему не притрагивался. Там сверху фотография этого фермера, а внизу это ужасное письмо. Скажи мне, можем ли мы найти отправителя?

Этот бывший эксперт по безопасности информации, не терпящий правонарушений и преступлений, вел беспощадную облаву на современных пиратов в сотрудничестве со специалистами из SEFTI. Серпетти передавал моим ученым коллегам адреса хакеров и информационных бандитов, которые воровали коды голубых карт[9 - Carte bleue (фр.) - французская кредитная карта.] или просто для провокации размещали сообщения порнографического характера на сайтах таких газет, как «Les Echos» или «Times».

Его рука обрушилась на мышку моего компьютера. Прежде чем прикинуть к экрану, он нацепил свои круглые стальные очки и провел рукой по коротко стриженным волосам, словно собирался совершить какой-нибудь спортивный подвиг.

– Я... я могу прочесть?

– Читай... По части конфиденциальности этого дела я целиком полагаюсь на тебя...

– Ты знаешь, что можешь доверять мне...

По мере того как он читал, нижняя челюсть у него отвисала все ниже.

– Черт-те что! – Он снял очки и протер глаза. – Я много чего повидал в Интернете, но это предел! Это... именно это и произошло?

– К несчастью, да, – вздохнул я.

– Но он обращается напрямую к тебе! И называет тебя на «ты»! Это кто-то, кто тебя знает! Как он мог узнать, что расследование поручено тебе?

– Не имею понятия... В деревнях новости расходятся быстро. Да еще и средства массовой информации. Так или иначе, он об этом узнал. Как – неизвестно. Но мы расследуем. Не заморачивайся. Так что с письмом?

Щелчок мышкой, множество окон на экране. Серпетти открывал файлы с дикими названиями, разгуливая по моему компьютеру с ловкостью заряженной частицы в электрическом токе, движимый страстью к всеобъемлющему знанию, этой жадной вырвать решение у неразрешимого, как вызов себе самому и бездушным машинам.

– Разумеется, этот электронный адрес – фальшивка. Ты выходишь на специальный сайт, даешь имя, не важно какое, и сайт дает тебе авторизацию для отправки имейлов с адреса, который ты сам выбираешь. Ну, например, JacquesChirac@elysees.com. Чтобы управлять этой почтой, не нужно даже специальной программы: всем занимается сайт. Ну или почти всем...

Словечко, выделяющее Серпетти из кишасей массы программистов, – это его «или почти...».

– Или почти? Значит, есть способ выйти на отправителя?

– Может быть... Если этот тип соображает, у тебя ничего не получится. В любом случае вероятность очень мала и, поверь мне, потребуется много и кропотливо работать, чтобы чего-то добиться.

– Ну-ка, объясни! Да попонятней, пожалуйста.

Когда он повернулся ко мне, в оспинках отразился металлический блеск экрана. Хотя ему было почти тридцать, его лицо сохранило следы юношеских прыщей.

– ОК. Постараюсь говорить максимально просто, – невозмутимо пообещал он. – Представь себе гигантскую паутину, очень сложную, размером с город. По краям паутины ты рассыпаешь тысячи, миллионы маленьких паучков, неотличимых друг от друга. Большинство пауков близоруки, они ничего не слышат, лишены обоняния, только умеют благодаря вибрации двигаться к какому-нибудь месту паутины. Но они не способны определить наиболее короткий путь, и, следовательно, чтобы прибыть в одну точку, все пойдут разными путями. Понимаешь?

– Да. Пока совсем не сложно.

– Тогда хорошенько слушай дальше! Ты должен следить глазами за одним из этих паучков до самого места назначения, а потом по памяти нарисовать мне схему его передвижения между различными пересечениями и волокнами паутины. Можешь?

Я представил себе огромный круг шелкового полотна, закрепленного под унылым небом на самых высоких зданиях Парижа, как в фантастических фильмах.

– Пожалуй, сложновато, – ответил я. – Паучки сталкиваются, пересекаются, неразличимы, в определенный момент я, возможно сам того не замечая, стану следить за другим. К тому же, чтобы запомнить дорогу в подобном лабиринте, наверное, требуется недюжинная зрительная память.

Тома покрутил очки, держа их за дужку, словно политик, собирающийся представить неопровержимый аргумент:

- Ты точно определил проблему! Так вот, то же самое с Интернетом. Замени пересечения компьютерами, а само волокно - электрическим кабелем. Растяни паутину до планетарных размеров. Представляешь себе картинку?

- Еще бы!

- Когда ты получаешь имейл даже от соседа, прежде это сообщение проходит через десятки, даже сотни различных промежуточных станций, разбросанных по всему миру. Чтобы обнаружить, откуда оно отправлено, необходимо проследить всю цепь, звено за звеном. Это означает облавы на владельцев компьютеров, поиски в файлах следов серверов в надежде перейти к предыдущему звену. Если хоть один комп в это время выключен или если следы прогона стерты, все пропало, как если бы ты разрезал волокно паутины. Немедленно свяжись со специалистами из SEFTI. Чем раньше они начнут действовать, тем больше шанс пройти всю цепочку.

Чтобы определить отправителя, требовалось какое-то колдовство.

- А если этот парень соображает?

- Тогда он бы использовал анонимайзер. Это специальный сайт, который берется сделать источник твоего отправления совершенно анонимным. К тому же, если твой преступник и вправду осмотрительный, он бы сделал проводку через тысячи других компьютеров, подключенных к Интернету одновременно с его собственным. В этом случае определить его местоположение категорически невозможно.

Я приготовил нам настоящего гватемальского кофе, страшно крепкого, почти густого.

- Как он достал мой адрес?

- Ты даже не представляешь, с какой легкостью можно собрать информацию на тебя, если тыходишь в Интернет! Известны твои любимые сайты, время твоих соединений, ты оставляешь следы повсюду, где бываешь. Достаточно тебе разместить одно сообщение на форуме или в дискуссионной группе, как твой электронный адрес становится доступен любому анониму, рекламным агентствам или другим распространителям, продающим эти адреса третьим

лицам. Ты, сам того не зная, несомненно, находишься в адресных книгах тысяч людей... Впрочем, чтобы судить о размахе этого явления, достаточно заглянуть в спам, приходящий в твой почтовый ящик.

- Точно... А еще что?

Я заметил, как в его взгляде блеснул лучик надежды...

- Меня интригует фотография этого фермера, - признался он, ткнув пальцем в экран. - С одной стороны, не вижу никакой связи с письмом, с другой - объем, который она занимает на твоём жестком диске, представляется мне чересчур большим... Более трехсот килобайт. Мне кажется... У тебя есть какая-нибудь программка для обработки изображений, вроде «Фотошопа» или «Paint Shop Pro»?

- Нет, не думаю...

- А лупа?

- Тоже нет. Но я могу вытащить внутреннюю линзу из бинокля.

- Чудненько.

Я почти видел поток цифр и логических операторов, устремившихся к мозгу Тома и вскипающих там, как в огромном математическом котле. Я вспомнил об одном его замечании, высказанном как-то вечером, когда мы собрались вокруг стола, радушно приготовленного Сюзанной: «Вся материя, вся информация состоит из нулей и единиц. Кузов автомобиля сделан из нулей и единиц, этот нож сделан из нулей и единиц, и даже коровий зад сделан из нулей и единиц. Зачастую, чтобы перейти от проблемы к ее решению, достаточно поменять местами несколько нулей и единиц...»

Сюзанна расхохоталась и с тех пор представляла себе жвачных только состоящими из нулей и единиц.

Я протянул Тома окуляр моего цейсовского бинокля. По мере того как он, прищурившись, перемещал вогнутую линзу, она препарировала пиксели экрана.

– Руку на отсечение бы не дал, однако похоже, что некоторые точки светлее других. Это почти незаметно, но я знаю о такой технике... Глянь-ка на этот кусок неба на фотографии.

Я прильнул глазом к линзе. Ничего особенного, голубое на голубом. Он отметил:

– У тебя не глаз эксперта. Слово стеганография[10 - Стеганография (от греч. ????????? - скрытый и ?????? - пишу; буквально: «тайнопись») - наука о скрытой передаче информации путем сохранения в тайне самого факта передачи.] говорит тебе что-нибудь?

– Старинная техника кодирования? Средство передачи сообщений, используемое еще Цезарем?

– Вроде того. Ты путаешь с криптографией. Со стеганографией проблема в том, что скрытая информация незаметно передается внутри нешифрованной информации, ясной и осмысленной, в противоположность криптографии, где полученное сообщение нечитаемо. Информационные пираты и террористы применяют эту технику, чтобы, избегая различных систем наблюдения и прослушки, таких как «Semaphor» и «Echelon» у американцев, обмениваться требующими особого внимания данными. Они прячут свои сообщения, изображения и звуковые файлы на других носителях, используя программы, доступные для скачивания через Интернет. И получатель, владеющий ключом к шифру, восстанавливает исходную информацию. Эту систему очень уважают педофилы. Ты заходишь на вроде бы приличный сайт, рассматриваешь отпускные фотографии: пляж, голубое небо... Но если ты применишь к этим картинкам шифровальный ключ, что ты обнаружишь?

– Фотографии детей. Понятно, Тома! Так ты сможешь расшифровать?

В волнении я хватанул большой глоток кофе и обжег кончик языка.

– Только не заводись. – Его голос призывал к спокойствию. – Сперва мне надо убедиться, что фотография действительно содержит скрытую информацию. А при отсутствии ключа для дешифровки могут потребоваться долгие недели, чтобы получить результат. Техники криптоанализа для взлома криптографических кодов в принципе не особенно эффективны, поскольку возможности алгоритмов делают дешифровку делом крайне деликатным, то

есть практически невозможным, если ключ очень длинный. Что, по правде говоря, логично... Иначе чего ради шифровать?

Я отвел глаза от экрана и взглянул на мобильник:

- Ладно, тогда я сразу привлеку ребят из SEFTI, пусть работают параллельно с тобой.

- Я еще посижу за твоим компом, покопаюсь... Сейчас запишу тебе на диск все, что потребуется, и ты передашь его в SEFTI. И вот еще что. Тебе надо установить высокоскоростную линию, к которой смогут подключиться специалисты из SEFTI. Это называется сниффаж[11 - От англ. to sniff - нюхать, разнюхивать.], или анализ трафика. Они на расстоянии наблюдают за всем, что происходит на твоей линии, так что могут мгновенно реагировать. Если хочешь, я сделаю заявку, и завтра тебе установят модем ADSL. Я по знакомству могу ускорить процесс!

- Хорошая мысль. В любом случае я как раз собирался его поставить. Хорошо бы ты этим занялся.

- Нет вопросов!

По его улыбке я понял, до какой степени погружение в дела отрезало меня от остального мира, в каком-то смысле я был похож на Живой Труп с его покойниками. Я побеспокоил Серпетти ранним утром, вытащил его из постели и даже не поинтересовался, как он.

- Ты какой-то шафраново-золотистый, будто только из отпуска. - Повеселев, я вдохнул из очередной чашки головокружительный кофейный аромат.

- Только вчера вернулся из Италии, тебе повезло, что ты меня застал.

- А как Королева Романса? Все так же совершенна?

Тома, не моргнув, одним махом проглотил обжигающий кофе.

- Она в Шантийи, в пансионе коневодческого хозяйства. Ею занимается Джон Мокс, знаменитость среди тренеров. Он готовит ее к бегам и дерби будущего

года. – Губы его растянула лукавая улыбка. – Знаешь, я больше не холостяк. Мы с Йенней вообще не расстаемся. Отныне мы связаны, как Земля и Луна. Угадай, где мы познакомились? В поезде! Она румынка, работает стюардессой на линии «Евростар» Париж—Лондон! Надо бы тебе приехать погостить к нам на ферму.

– Непременно как-нибудь...

– Посмотришь мою железную дорогу! Я перешел на ступень НО 1/87. Это уже профессионалы! Я счастлив как дурак! Не двигайся!

Он вскочил, схватил рюкзак и выудил оттуда латунную модель паровозика «Hornby», с ярко-красной кабиной и черной платформой.

– Это тебе, Франк! Острый пар, Basset Lowke тысяча девятьсот пятьдесят девятого года! В идеальном состоянии! Это моя, но она не подходит для моей новой железной дороги, так что дарю. Я назвал ее Куколка.

Отсутствие моей реакции удивило его. Страсть к железной дороге, которую он передал мне, как и интерес ко всему остальному, покинула меня с тех пор, как в моей квартире воцарились пустота, тишина и скорбь.

– Прости, Тома, но я уже не в теме. Сейчас паровозики и я – дело прошлое... Знаешь, мне теперь вообще ничего не интересно...

– Куколка – это совсем другое дело! Этот паровозик – какая-то волшебная штука, ты должен попробовать! Я уже заправил горелку бутаном. Добавишь капельку масла и воды в тендер, и она катается целый час. Вот увидишь, у нее такой успокаивающий гудок, ее общество приятно. Она будет поднимать тебе настроение в трудные минуты...

Он поставил модельку на стол.

– О Сюзанне по-прежнему ничего? – Он взял меня за руку, как старший брат.

– Ничегошеньки, ну вообще ничего. Ни малейшего следа нападавшего. Если бы у меня была хоть какая-нибудь зацепка, улика, чтобы я понял, жива она или нет! Что за мука – пребывать в сомнении, в постоянном страхе вот так, случайно, на

повороте тропинки наткнуться на труп собственной жены... Я ужасно боюсь будущего, потому что завишу от информации, которой не владею... судьба моя практически в руках похитившего ее подонка...

- Рано или поздно ты узнаешь правду.

- Всем сердцем надеюсь. - Я сделал вид, что задумался о другом, и скорчил некое подобие жалкой улыбки. - Послушай, оставайся, делай с моим компьютером все, что нужно. А мне надо уйти. Если хочешь, днем пообедаем вместе. Зайди за мной на Набережную, поедим в «Вер-Галан». Ты со своей Йенней не договаривался?

- С Йенней? Да я целыми днями жду ее! Она, словно северное сияние, исчезает с утра, чтобы вновь появиться только вечером. Ладно, значит, в полдень... Я за тобой зайду. - Он прокашлялся. - Франк, как ты думаешь, что может быть в этом скрытом послании? Если он хочет что-то сказать нам, почему бы не заявить об этом открыто?

- Тома, вот ты богат, у тебя есть миллионы. Зачем ты по-прежнему ходишь в казино, зная, что рискуешь все потерять?

- Чтобы... наверное, ради возбуждения, доставляемого мне игрой?

- Вот и ответ на твой вопрос.

* * *

Свою шахтерскую карьеру мой дед закончил бригадиром горных мастеров в шурфе-13 в Лоос-ан-Гоеле. Подростком он начинал чернорабочим, потом стал забойщиком, крепильщиком, откатчиком, починщиком, мастером и, наконец, бригадиром мастеров. Вообще говоря, глыбы угля брали тебя в плен на добрую половину жизни, и если удавалось избежать смертельного поцелуя рудничного газа, то тебя непременно губил силикоз[12 - Силикоз – наиболее распространенный и тяжело протекающий вид пневмокониоза, профессиональное заболевание легких.]. Если уж суждено было родиться под землей, то и умрешь под землей, и дети твои умрут под землей, в пасти чудовища. Но только не мой дед...

Пятнадцати лет хватило ему, чтобы вскарабкаться по иерархической лестнице, и никогда в жизни он не надеялся на удачу или случай. Этот маркшейдер из шахтерского поселка знал дни рождения всех своих начальников, масть их собак, не говоря уж об именах детей и жен, с которыми он старался повстречаться у пекаря, трактирщика, прачки, чтобы расхвалить достоинства мужей и их невероятную способность управлять людьми. По праздникам, даже в самые тяжелые времена, когда не хватало супа и хлеба, он никогда не забывал отправить своим более зажиточным коллегам бутылку можжевелевой. Так что его одурманенные винными парами начальники, пусть неосознанно, были благодарны моему деду, подарившему им радость забвения...

Он называл это «методом доходного пожертвования» и частенько твердил мне:

– Если ты пробуждаешь в собеседнике огонь, от которого начинают блестеть его глаза, если заставляешь сильнее биться его сердце, значит ты можешь превратить его в самого верного союзника. Отныне у тебя будет не две руки и две ноги, а четыре, потому что, когда потребуется, он всегда окажется рядом с тобой.

Когда в 1978 году он скончался от рака, на его похоронах присутствовало пятьсот человек.

В отличие от него я не использовал «метода доходного пожертвования», чтобы взобраться по иерархической лестнице. Зато всюду прибегал к нему, чтобы в нужный момент около меня оказались нужные люди.

Следственный судья Ришар Келли был большим любителем хорошего шоколада. Таких гурманов, как он, в мире существует не более десятка. Хотя его кабинет всегда выглядел безупречно и стерильно, как морг, где-нибудь в уголке обязательно валялась начатая плитка перуанского, яванского или карибского шоколада, настоящего шедевра из какао-бобов. Он заказывал его напрямую у известных производителей, будто речь шла о бриллиантах чистой воды. Так что я запасся плиткой одного из тех, что он любил больше всего, – шоколадом, сделанным из бобов, растущих в Южной Америке, на островах залива Гуанаиа. Забавно было видеть, как подпрыгнул его кадык, когда я выложил на стол расчерченное на квадратики сокровище.

Я должен был играть наверняка. Требовалось убедить его выставить вон этого придурка Торнтон, эту карикатуру на психолога, не способного составить даже психологический портрет осьминога.

Вообще-то, Торнтон имел независимую практику. Для своих сорока он выглядел чертовски здорово, имел телосложение Аполлона и чудные оленьи глаза. Он завалил на кушетку в своем кабинете такое количество пациенток, что на Hot d'Or[13 - Премия Hot d'Or – Европейская премия порнокиноиндустрии.] мог бы получить приз как лучший жеребец. Клиентура его все прибывала, все более раздетая и все менее больная, и коллегам случалось обнаружить дамские трусики даже между подушками кожаного дивана в его кабинете. Позже, когда ему наскучила рутинная доступного секса или возраст лишил былой мощи, Торнтон воспользовался влиянием своего папаша, чтобы заставить нас оценить его дар психоаналитика. Он опрашивал свидетелей, преступников и делал выводы, которые заставили бы улыбнуться даже статуи острова Пасхи.

– Этот кретин в галстуке не отличит афганского террориста от сестры милосердия, – давным-давно, впервые повстречав его, в страшной ярости бросил мне Бамби, шеф департамента по борьбе с проституцией и незаконным оборотом наркотиков.

Отстранить его от следствия представлялось делом тонким, ибо вышеназванный кретин в галстуке был не кем иным, как сыном прокурора Республики.

Мы с Ришаром Келли минутку поболтали о шоколаде, а потом, разумеется, перешли к первым деталям расследования. Я вкратце изложил ему соображения Сиберски и свои собственные относительно необычного характера убийцы и значения, которое он придал мизансцене. А главное, подчеркнул полнейшую неосведомленность Торнтон в области садистических преступлений, а впрочем, и в криминалистике в целом. Я хочу опережать события, предварять поступки убийцы, действовать с упреждением, а не с опозданием. А для этого мне нужны союзники (я особенно выделил это слово), а не гири на ногах.

Короче, я просил назначить на расследование Элизабет Вильямс, эксперта-криминалиста апелляционного суда и вдобавок специалиста по психологии преступника. Положив на язык кусочек шоколадного шедевра, Ришар Келли одарил меня такой гримасой, каких я прежде не видывал. Однако после двухчасовой ожесточенной борьбы, сжевав всю плитку гуанаиа, несколько ослабил сопротивление.

– Я все-таки пока не трону Торнтон, – настаивал он. – Нельзя вот так запросто одним щелчком избавиться от него. Тем более, для того, чтобы заменить его профайлером...

– Не профайлером. Специалистом по психологии преступника.

– Это одно и то же. Надеюсь, вы оправдаете мое доверие и не заставите меня впустую терять время.

* * *

Прежде мне еще не случалось сотрудничать со специалистом по человеческому поведению. Я имею в виду, настоящим, стократно увеличенным Торнтоном. Лекции, которые Элизабет Вильямс читала в университете Париж II, производили чарующее воздействие. Силой слов, глубиной анализа и точностью доказательств она, профессионал своего дела, заставляла нас проникнуть в запутанные лабиринты сознания убийцы и там обогнать его. Я проштудировал все ее книги, скрупулезно изучил диссертацию о психических заболеваниях преступников, весь ворох статей, опубликованных ею в «Revue Internationale de Police Scientifique et Judiciere»[14 - Видимо, несуществующий журнал, придуманный автором по образу «Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique et Scientifique»]. Спрятавшись в глубине лекционного зала под безликой маской робкого и внимательного студента, я испытывал безграничное удовольствие от ее манеры говорить и держаться. И мечтал применить ее великие идеи в масштабном уголовном деле. И как раз сейчас, в ходе этого расследования, я интуитивно чувствовал, что передо мной новый тип убийцы, умный зверь, утонченный и одержимый, владеющий своими эмоциями, единственный вершитель судеб своих жертв. Паук, затаившийся в углу своей паутины, в ожидании подходящего момента истекающий ядом, чтобы выпустить его, едва завибрирует хоть одна шелковая нить.

Мне стыдно, когда я думаю, что по ту сторону границы добра, в красной тени зверя с рогами и копытами, скрывается, быть может, такой убийца, о котором мечтает каждый полицейский в уголковке...

Сказать, что мне не нравится моя профессия, было бы самой страшной ложью. Я любил ее так же, как жену, а возможно, и больше. Эти будни в кровавом тумане,

пробиваемом металлическими отблесками, испаряющимися сухожилия и нервы, до костей сдирающими кожу, эти мрачные и таинственные души, мечущиеся в залитых кровью комнатах, составляли глубинную сущность моей жизни. Даже в свободное время, находясь рядом с Сюзанной, я читал о серийных убийцах, посещал Музей криминалистики и смотрел захватывающие детективы, такие, в которых убийца буквально блистает коварством. Переступая порог уголовки, перестаешь быть человеком, становишься Живым Трупом, рабом, обреченным сражаться с бессмертным или возрождающимся из пепла злом. Ты блуждаешь между двумя мирами: обычным и нереальным; между теплом улыбки и самой страшной чернухой, затаившейся в уголке разума каждого существа, населяющего землю...

Стоило мне задуматься обо всем этом, как я начинал сожалеть о том, кем я стал. Точно спирт, который подливают в огонь, чтобы он разгорелся сильнее, изнутри меня сжигало отсутствие любимого существа. Я ощупывал пустоту перед собой и мысленно рисовал на ней обнаженные округлости, я упивался ароматом, которого больше нет, я улавливал едва слышный шепот, который пропадал, стоило мне напрячь слух. В то утро я на короткий миг вновь превратился в обычного человека. Полицейский был поблизости, жаждущий облавы и погони, он следил за мной, сжимая свое оружие. Я любил его так же сильно, как ненавидел.

Увижу ли я еще когда-нибудь ласковую улыбку жены?

* * *

Мой мобильник обладал невероятной способностью издавать свое пронзительное позвякивание в самый неподходящий момент. Обычно я отключал его всякий раз – одному Богу известно, были ли такие случаи редкостью, – когда откладывал работу. Но всегда, когда какой-нибудь убийца входил в мою жизнь через широко распахнутую дверь, я держал свой сотовый наготове, у себя под боком – как верного товарища. Сюзанна научилась ненавидеть его.

Если вам пришла в голову экстравагантная и дерзкая мысль взять кассу какого-нибудь ресторана, лучше бы вам не соваться в «Вер-Галан». Это приятное заведение в двух шагах от штаб-квартиры французской полиции кишит инспекторами в штатском, комиссарами, офицерами полиции, фараонами всех мастей, чаще всего в сопровождении своих жен. Концентрации кольтов, смит-

вессонов и беретт на квадратный метр позавидовал бы сам Пабло Эскобар[15 - Пабло Эскобар (Pablo Emilio Escobar Gaviria; 1949–1993) – колумбийский наркобарон, террорист.]. Прежде чем ответить на звонок, я поднялся из-за стола и извинился перед королем программистов Тома. Трубка у меня в руках едва не расплавилась от возбужденно полыхающего голоса Живого Труса.

– У нас хорошие новости, комиссар Шарко. Слушайте меня внимательно. Вода из желудка жертвы поведала нам много интересного. Прежде всего, парни из лаборатории обнаружили в ней молекулы угля и окадаиковой кислоты[16 - Окадаиковая кислота – токсин, содержащийся в двустворчатых моллюсках.]. Эти молекулы являются продуктом *Dinophysis acuta*, разновидности микроскопической водоросли, развивающейся в стоячих водах. Больше никаких следов самой водоросли, возможно разложившейся из-за отсутствия поступлений органических веществ и инсоляции...

В ресторане было шумно; прикрыв рукой левое ухо, я спросил:

– О каком типе воды идет речь? Морской, пресной, болотной?

– Дождевой. Об этом свидетельствует присутствие в ней окиси азота.

– Значит, вода из луж или небольших водоемов... Сколько времени нужно водорослям, чтобы развиться?

– Три-четыре дня. Судя по поразительному разнообразию бактерий, от перечисления названий которых я вас избавлю, химик полагает, что прежде, чем оказаться в желудке жертвы, вода не одну неделю хранилась в какой-то герметической емкости, вроде банки или бутылки.

– Если я правильно понимаю, вода была взята из лужи чертову уйму дней назад, а потом старательно хранилась, чтобы затем быть отправленной в желудок жертвы?

Продолжая прижимать трубку к уху, я жестом попросил официанта принести нам аперитив.

– Точно! Но это еще не все... Во-вторых, мы обнаружили в воде значительное количество растворенных кремниевых солей слюдисто-глинистых сланцев, иначе говоря, розового гранита. Я уже сделал часть вашей работы, порасспросив специалиста по минералам Фредерика Фулона. Он утверждает, что подобная гранитная концентрация не может быть достигнута естественным путем и быть результатом нормального процесса эрозии. Частицы гранита не приносит течение речки или простое сбегание дождевой воды по горным склонам. Причина в другом.

– И что же, этот специалист вам дал наводку?

– Два решения. Или убийца сам растворил гранит, или гранит уже находился в воде, когда он ее набирал. Во втором случае очень вероятно, что порода попала в лужу в виде пыли.

– Значит, место, где разрабатывают розовый гранит? Какое-то предприятие?

– Да, но работающее снаружи, на земле, в каком-то месте, благоприятном для сбора дождевой воды и размножения водорослей. Карьер, например. Беда в том, что карьеров розового гранита целая туча... Разумеется, в Бретани, в Эльзасе на уровне риска обрушения, в Альпах, Пиренеях и других горных массивах. Кстати, не стоит забывать, что речь может идти о мастере, где-нибудь в уголке вытесывающем надгробные плиты из привезенных гранитных блоков. Хотя это явно усложнило бы вашу работу! Желаю успеха, комиссар. Держите меня в курсе...

Раздался щелчок, и его голос пропал. Положив сотовый на стол, я достал из куртки блокнот, чтобы записать основные ключевые пункты нашего разговора.

– Похоже, есть новости? – поинтересовался Серпетти, потягивая розовый martini.

Я сел и смочил горло темным разливным «Leffe».

– Верно. То, что мне сказал судмедэксперт, – блеф. Чистый блеф. – Я провел рукой по волосам, от затылка ко лбу. – Он заставил ее проглотить эту гниющую воду... Какой же в этом может быть смысл?

- Ты о чем? Что еще за история с водой?

- Я бы хотел пока больше ничего тебе не говорить, Тома. Не сердись...

Серпетти запрокинул голову, сделал два глотка мартини, а потом бросил мне:

- Никогда не устану удивляться науке... Не хотел бы я в наше время быть убийцей. С вашими технологиями бедняге даже не пукнуть спокойно на месте преступления - вы ведь сможете разобрать его пук на молекулы, определить по нему возраст и цвет кожи убийцы и сказать, что он ел, прежде чем совершить преступление!

Тома осушил свой стакан и продолжал:

- Ладно, хватит шутить! Звонок твоего судмедэксперта прервал меня. Я подтверждаю, фотография содержит кодированное послание. Но с твоим компом из нее ничего не вытянуть. Это не машина, а старое корыто, на восстановление первоначального сообщения ему потребуются месяцы. Спецы из SEFTI работают?

- Да, они с утра корпят над электронной почтой и фоткой. У них в зале-рефрижераторе есть компьютеры размером со шкаф. Думаю, у них получится быстрее... Надеюсь, что это нас к чему-нибудь приведет.

- Я тебя предупредил, процесс дешифровки может оказаться очень долгим. Мощность процессоров сэкономит время, но, боюсь, мы получим ответ не раньше чем через одну-две недели.

- Посмотрим... В любом случае в настоящий момент у нас, кроме этой картинки, нет других следов. Нужно быть здорово головастым, чтобы такое сварганить?

- Зашифровать или расшифровать? Да ну! Восемилетний ребенок справился бы! Это как отправлять письма по электронке. - Тома вдруг перестал улыбаться и с тревогой спросил: - Мать убитой женщины получила письмо?

- К сожалению, да. Ночью убийца подсунул его прямо под ее дверь... Беднягу доставили в психиатрическое отделение госпиталя Питтье[17 - Государственный

госпиталь Питье-Сальпетриер (Pitie-Salp?tri?re Hospital).]. Она сразу попыталась покончить с собой, приняв лоразепам.

Расставшись с Тома, я стал ломать голову, пытаюсь разобраться в том, что может означать химическая подпись в желудке Мартины Приёр. Без сомнения, лейтенант Сиберски прав: убийца хотел бросить нам, полицейским, криминалистам, биологам и психологам, вызов. Возможно, ему бы хотелось, чтобы мы включились в его игру, тогда он мог бы наблюдать за нами, оценивать, изучать нас, как лабораторных крыс... А вдруг мы превратимся в подопытных животных в его пакостных экспериментах?

Я видел лишь один способ добраться до него: обнаружить место происхождения этой воды...

* * *

Стерильный виварий. Вот что напомнили мне помещения научно-технического отдела полиции, протянувшиеся вдоль набережной Часов. Здесь в масках, очках и перчатках передвигались протравленные дезинфицирующим средством наиболее редкие и всеведущие особи homo sapiens.

Здесь, в замороженном пространстве, соседствовали многие термины словаря, оканчивающиеся на «-гия»: биология, токсикология, морфология, антропология и другие... По экранам постоянно включенных компьютеров циркулировали оцифрованные голосовые сигнатуры, фиолетовые хитросплетения водяных знаков, извилины папиллярных рисунков. На виртуальные лица непрерывно подставлялись заплатки реальных носов, глаз, ртов, сменяющих друг друга, пока не возникнет нужная комбинация. Целый технологический набор для исследования невидимого, для завоевания ничтожной малости, содержащей информацию обо всем.

Шеф отдела дактилоскопии Тьерри Дюсолье пришел за мной на проходную. Неотличимый от своих клонов, он был одет в непомерно длинный хлопчатобумажный халат, летящий за ним, словно накидка.

– Пойдемте, комиссар.

– Что дал анализ отправленного убийцей письма?

– Вообще ничего, – отвечал спец. – Электростатический анализатор документов не обнаружил ни одного случайного отпечатка. По этому вопросу полный провал.

Очередной раз свернув за угол в лабиринте коридоров, мы со специалистом проникли в комнату без окон, оборудованную под уютную спальню: кровать из сосны, рамки на стенах, лампа у изголовья, разбросанные на комодике романы, телевизор и музыкальный центр. Я находился в обстановке дома Мартины Приёр, перенесенного, описанного и с мебелью, расставленной в том же порядке, чтобы в лабораторных условиях воссоздать условия, в которых было совершено преступление. Инженер закрыл дверь, и мы погрузились в темноту ожидания, из тех, которые заставляют работать слюнные железы.

– Приступим, комиссар...

Черный свет Вуда[18 - Лампа черного света, или лампа Вуда (англ. Black light, Wood's light) – лампа, излучающая почти исключительно в наиболее длинноволновой («мягкой») части ультрафиолетового диапазона и, в отличие от кварцевой лампы, практически не дающая видимого света. Применяется, в частности, в криминалистике для обнаружения следов крови, мочи, спермы или слюны, которые флуоресцируют в свете лампы.] хлынул с потолка, отбрасывая фиолетовые отсветы. Невидимое возникло, запечатлелось на моей сетчатке. Сотни отпечатков пальцев, рискованно разбросанных по мебели, напоминающих кошачьи лапки, белеющих в цианоакрилате, создавали светящийся балет. Эта комната снимала покров с тайных историй, явленных на свет как еще одно насилие, совершенное над женщиной. Но среди созвездий отпечатков пальцев, быть может, таилась особенная звезда: какая-то одна-единственная путаница папиллярных гребешков, разветвлений, островков и озер составляла отпечаток убийцы.

Сильно жестикулируя, ученый указал мне основные элементы:

– Убийца действовал в перчатках из латекса с присыпкой. Поскольку нами обнаружены следы лактозы на спинках кровати, на комодике и... сейчас увидите.

– Для чего эта присыпка?

– Крахмал, кальцинированная сода или лактоза внутри перчаток облегчают их надевание и обеспечивают более плотное прилегание пальцев к латексу. Когда перчатки несколько раз снимают и надевают, присыпка попадает на внешнюю поверхность, отсюда следы.

– Их часто используют?

– В областях, где нужна точность. В хирургии, например. Их покупают в аптеке, но следует делать специальный заказ, иначе аптекарь может дать перчатки без присыпки.

Планетарий отпечатков напоминал звездное небо летней ночью. Указав на него, я поинтересовался:

– Вы обнаружили чьи-нибудь еще, кроме отпечатков самой Приёр?

– Нет. Зато у нас есть кое-что очень и очень интересное.

Я подошел к нему, судорожно дыша, с расширенными зрачками.

– Взгляните на это. – Он ткнул пальцем в плакат с изображением маяка, захлестываемого разбушевавшимися морскими волнами. Картинка была помещена под девственно-чистое стекло, лишенное всяких отпечатков пальцев.

– Похоже... на присыпку... лактоза?

– Вот именно. Вешая картину, вы в какой-то момент крепко держите ее за края. Если вы посмотрите внимательно, то обнаружите следы лактозы справа и слева вверху. А что мы видим на других стеклах?

Я вгляделся в две другие картины: их углы были густо захватаны пальцами.

– На рамке с маяком ни одного отпечатка. Только остатки присыпки. Зато на других целые тонны отпечатков, принадлежащих Приёр. Но никакой лактозы... Это значит...

– Мы обнаружили на стекле присутствие спирта, изопропила. Значит, перед тем, как повесить картинку, стекло протерли. Кроме того, специалисты вернулись на место преступления. Гвоздь, на котором висела эта рама, вбит под углом, не так, как все остальные. Размер и материал тоже отличаются.

– Значит, вбит кем-то другим, а не Приёр...

– Да. Можно с уверенностью утверждать, что эту картину повесил убийца...

В черном свете голубые глаза Дюсолье странно светились, казались почти прозрачными, как у зайца в свете фар. От его облаченного в белое тела исходило яркое люминесцирующее свечение.

Я выдвинул первое заключение, которое, безусловно, следовало из увиденного:

– По всей вероятности, убийца принес плакат с собой... Он дает нам еще одну примету...

– Простите, что?

– Я думаю, он специально выбрал перчатки с присыпкой, чтобы постепенно привести нас к этой рамке...

– Почему бы просто не оставить записку: «Это принес я», если ему и правда хотелось, чтобы мы это заметили?

– Потому что он нас испытывает! Как с водой, содержащейся в желудке! Он хочет нас куда-то привести, оценить, с какой скоростью мы будем двигаться. Он нас калибрует, тщательно присматривается к нашим аналитическим выводам, способности сосредоточиться. Он чертовски хитер и обладает отменным знанием наших технологий расследования...

– Вы немного экстраполируете, вы полагаете, что все его действия сознательны, хотя, возможно, это не так!

– Конечно сознательны! Почему мы не обнаружили следов лактозы на теле жертвы? Он надел перчатки специально для картины, до или после того, как

потрудился над Приёр, но не во время...

- Вы правы...

Я разглядывал картину, и внезапно очевидное, словно бичом, хлестнуло меня по глазам.

- Остановите меня, если я делаю неверный ход, но это же маяк из розового гранита, верно?

Инженер сунул руки в карманы. В причудливой игре света казалось, будто кисти вообще отрублены и из рукавов свисают одни запястья.

- Сто процентов, - кивнул он. - Это, вернее было бы сказать, вообще не маяк, а фонарь, целиком сделанный из розового гранита. Он находится в Плуманаке, в бретонской глухомани, как раз на Побережье Розового Гранита... Чудное место, настоящая тихая гавань... Но какая связь?

От бурного прилива крови у меня запылали щеки.

- Послушайте, если вы так хорошо знакомы с этими местами, может, скажете, есть ли там гранитные карьеры?

- Да, и множество. В частности, вокруг Плуманака. Знаете, Армориканское побережье - колыбель гранита... Бо?льшая часть наших надгробных плит оттуда... Или из Китая!

* * *

Выходя из лаборатории, я начал осознавать, насколько скрупулезно была продумана сцена преступления, словно вычерчена на миллиметровке. Точная корреляция воды в желудке и постера имела единственной целью привести меня в Бретань для поисков чего-то или кого-то в гранитном карьере. Если это действительно так, если я обнаружу знаки на Армориканском побережье, значит я, похоже, имею дело с демоническим существом, обладающим ошеломляющим интеллектом.

В лаконичном рапорте я изложил первые выводы расследования и, когда ночь еще рассыпала звезды, оставил его на письменном столе Леклерка.

Уложив в оставленный возле входа в гостиную чемодан два костюма и смену белья, я вытащил из-под кровати пробковую доску. На ней располагалась моя железная дорога – кольцо рельсов фирмы «Росо», с туннелем и вокзалом, – и аккуратно поставил Куколку в ее новое свободное пространство. Серпетти нацарапал инструкцию, в которой указал способ сдвинуть с места этот милovidный паровозик.

При помощи пипетки я заполнил резервуар для воды и для масла, зажег старинную горелку, подождал, пока в котле не поднимется давление, и только после этого надавил на находящуюся в кабине рукоятку.

И произошло чудо. Под свист пара ожили цилиндры, поршни, шатуны и рычаги. Робкая Куколка двинулась по рельсам, сначала неуверенно, а через несколько секунд уже гораздо смелее. Она побулькивала водой, свистела и радостно выпускала пар. Запах давних времен, безмятежных дней разливался по комнате, словно благоухание огня, влажности... Этот запах снова ненадолго отвлек меня от моей жизни, ставшей черной, как грифель...

В тот момент, когда я закрыл глаза, передо мной возник образ Сюзанны. Она была в свадебном платье и улыбалась мне...

Глава третья

Побережье Розового Гранита скорбно свидетельствовало о гневе земли и живой силе эрозии. Стоящие под опасным углом, словно бросая вызов равновесию, гигантские скалы рассекали бирюзовые воды, словно стройные статуи, нацепившие запоминающиеся имена: «Мертвая голова», «Черепаха», «Папаша Требёрден» или «Спящая женщина». Из этого хаоса выбивалась осязаемая красота Плуманакского маяка, прочно укрепленного на своем гранитном основании и обратившего свой каменный взгляд в ультрамариновые глаза открытого моря.

Прежде чем прибыть в Перро-Гирек, где, судя по указаниям разложенной на пассажирском сиденье топографической карте, располагался самый крупный гранитный карьер в регионе, я проехал по побережью на восток и пересек старый мост над пересохшим руслом.

Логика, определенная убийцей, привела меня сюда, и я надеялся, что шестьсот километров пути не застрянут острой костью в моем горле.

Подъехав к предприятию, я не стал вчитываться в призванные отпугнуть туристов надписи на предупредительных щитах и припарковался в непосредственной близости от забоя, на земляной осушенной площадке, где экскаваторы, самосвалы и отбойные молотки сдирали с отвесных стен розоватую корку.

Едва я вышел из машины, какой-то тип в защитной каске преградил мне дорогу своим пахнущим дубовой бочкой мощным телом.

– Вы что, читать не умеете? – прорычал он.

– Комиссар Шарко, уголовная полиция Парижа. Вы тут главный?

Он не присматривался, а, скорее, принюхивался ко мне, как дикий зверь:

– Не, главный внизу. Могу глянуть вашу бумажку?

Я сунул удостоверение ему под нос:

– Проводите меня к нему.

Он протянул мне ярко-желтую каску и, не глядя в мою сторону, буркнул:

– Чё, чё-то серьезное?

Я впился в него взглядом:

– Именно это я и хочу узнать.

Он смачно сплюнул в пыль:

– Разбирайтесь с хозяином, меня не касается.

Забой раскрылся передо мной как гигантская кровоточащая рана. Все оттенки розового цеплялись за стены, повторяя движение деформаций и трещин. После головокружительного спуска в металлической клетке, приводящейся в движение системой блоков, я оказался на дне шахты. То, что с поверхности представлялось крошечными муравьишками в касках, обрело округлые человеческие формы. Я не мог отвести взгляда от луж, испещривших пыльную почву. Стоячая дождевая вода с вкраплениями гранитной пыли и водорослей. Точная копия той, что была взята на анализ в желудке жертвы. Нежный голос внутри черепной коробки сказал мне, что я на верном пути...

К моему великому разочарованию, мои вопросы к персоналу не выявили ничего особенного. Трудно добиться результатов, не зная, чего хочешь. Будто слоняясь в огромной пустой комнате, спрашиваешь себя: «Чем мне сегодня заняться?» Возможно, я надеялся на очевидность. Но госпожа Очевидность решила держаться подальше от меня, пришлось с этим смириться.

Наступающий вечер положил временный конец моей одинокой прогулке. Я не сетовал. После восьми часов езды ныла спина, глаза распухли, точно налитые, мне очень хотелось спать. Устроившись в ближайшем отеле, я отдался во власть цветущих лугов сна, которому на сей раз ничто не помешало...

* * *

С меня было довольно. Посещение еще двух предприятий – и две новые неудачи.

Около полудня в бистро возле пляжа я проглотил сэндвич с крабом и ринулся обследовать Трегастель – последний карьер в окрестностях Плуманака. Психологически я уже был готов вернуться в Париж с грузом разочарований в карманах...

Когда меня доставили на дно карьера, главный инженер, тощий верзила с резкими чертами лица, словно вытесанного зубилом в скале, даже не счел нужным выйти мне навстречу. Я уже собирался наброситься на него, когда,

пошептавшись и обменявшись недоверчивыми взглядами с одним из своих приближенных, он знаком подозвал меня.

– Комиссар Шарко, уголовная полиция Парижа.

– Уголовка здесь, в этой дыре посреди дыры? За что такая честь?

– Не могли бы мы поговорить в другом месте, а то ничего не слышно?

В нескольких метрах от нас гусеничный экскаватор с оглушительным грохотом вывалил на землю гранитный бой. Никто не отреагировал. Мы были далеко от приглушенной атмосферы парижских кабинетов.

Я зашел в каптерку, какую-то коробку из мягкого металла, где было пыльно, как в мусоросборнике пылесоса. Из боязни испачкать костюм, я предпочел стоять.

– Скажите, что вам надо, комиссар, и, пожалуйста, постараемся управиться поскорей. Сегодня мне полагается вытащить еще двадцать кубов, а парни безответственные, хуже морского гребешка, их нельзя надолго оставлять одних.

Я повторил слова, уже сказанные вчера и сегодня утром:

– Мне бы хотелось знать, не замечали ли вы в период времени между маем две тысячи второго и сегодняшним днем странных событий, особенных происшествий, чего-то необычного.

Он сдул с каски гранитную пыль. Моя куртка покрылась пыльными созвездиями.

– Пф-ф... Простите... – почти весело бросил он. – Костюм не лучшая форма одежды для такого предприятия.

Я испепелял его взглядом:

– Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

- Нет, ничего особенного. Здесь, уж простите за грубость, вы в жопе мира. Единственное, что мы видим на поверхности, - это самолеты над нашими головами и чаек, гадающих нам на каски.

- Никакого воровства, повреждения оборудования, подозрительного поведения рабочих?

- Ничего подобного.

- Может, вы видели, как кто-нибудь набирал воду из луж?

- Но... я ничего не знаю! Что вам здесь надо?

- Я расследую дело об убийстве.

Его лицо превратилось в маску ужаса.

- Здесь? В наших краях?

- Под Парижем. Но несомненные улики привели меня сюда.

Я задал ему другие вопросы, которые тоже ничего не дали. Впрочем, к этому я был готов.

- Ладно... Простите, что отнял у вас время...

- Ничего...

Он протянул мне руку. Пожимая ее, я бросил:

- И все же я опрошу ваших рабочих. Чтобы соблюсти процедуру. Кто знает... Вдруг им вспомнится какая-нибудь деталь...

- Они... У них нет времени! У нас сжатые сроки. Если вы станете всех опрашивать, мы страшно опоздаем! До восемнадцати ноль-ноль я должен вытащить свои двадцать кубов, вы понимаете?

- Понимаю. Но это займет всего несколько минут...

Я уже переступал порог, когда магическое слово заставило меня замереть:

- Подождите...

Я обернулся:

- Вы что-то вспомнили?

- Закройте, пожалуйста, дверь.

Я повиновался. Его кустистые брови выражали сильнейшее беспокойство.

- Шестнадцатого июля прошлого года произошел несчастный случай. Розанс Гад упала на дно карьера и разбилась. Она сорвалась с северной стороны, как раз оттуда вы только что подъехали. В феврале две тысячи первого Гад была принята на должность программиста. В ее задачи входило управление через компьютер оборудованием, например циркулярными пилами для резки каменных блоков на куски...

Короткое замыкание. Бурное выделение адреналина. Огонь, сжигающий внутренности. Я что-то ухватил...

- Все же это важная деталь, а вы забыли о ней рассказать! Что за несчастный случай?

- Гад была опытной спортсменкой, любительницей острых ощущений. Если вы внимательно посмотрите на стену северного склона, вы заметите карабины и крюки. Она там поднималась дважды в неделю. Шестьдесят метров в высоту.

- Разве подобная практика не запрещена на промышленной площадке? Куда смотрела инспекция по охране труда?

- Кое-кто из наших людей обладает сноровкой работать на отвесных склонах, куда не могут добраться механические рычаги. Лазание, работа на

вертикальных стенах являются частью профессии.

- Гад имела такое разрешение? Соблюдала ли она правила безопасности? Какое оборудование она использовала?

Он затравленно посмотрел на меня, как кошка, лапой отбивающаяся от гризли, который гораздо сильнее ее.

- Послушайте, комиссар. У нас побывала целая армия инспекторов по труду и полиция. Все в полном порядке. Я им уже все рассказал, так что уж давайте, пожалуйста, покороче.

- Отлично. Так как же она упала? И с какой высоты?

- По повреждениям тела доктор определил, что метров с десяти. Сломался один из карабинов...

- Карабин, говорите? Но ведь они очень крепкие...

- Карабины ломаются, резинки рвутся, парашюты не раскрываются, нефтяные танкеры дают течь... Чего еще вы от меня хотите?

- Она работала внизу вместе с мужчинами?

- Да, но находилась в вагончике, где установлены компьютеры. У нас никогда не было проблем с ней... Отличный работник... Жаль, что так случилось...

- Она была хорошенькая?

В его глазах появился и погас какой-то огонек.

- Мм... Да не так чтобы...

- Вы не умеете лгать. Лично вы как думали?

- Симпатичная. На что вы намекаете, комиссар?

Он оторвал локти от стола, на который опирался. Я сухо уточнил:

- Какие отношения она поддерживала с вашими людьми?

Ввалившиеся глаза, дрожащие губы, пожирающий его изнутри огонь.

- Ка... как это? Я... я бы попросил, инспектор...

- Комиссар, а не инспектор. Подождите, пожалуйста, минутку, я еще не закончил.

- Нет времени.

Он бросился к дверям своей консервной банки, но я схватил его за халат:

- Я сказал: не закончил!

Я пихнул его обратно в камеру. Он ударился бедром об угол стола, из горла вырвался крик раненого зверя.

Он прорычал:

- Черт! Вы что, чокнутый? Я сейчас...

- Что вы сейчас?

- Я...

- Сейчас вы ответите на мои вопросы, иначе мы отправимся в одно гораздо менее симпатичное местечко, которое называется комнатой для допросов!

- Вам нужен ордер или что-то в этом роде!

- Вы меня провоцируете! Через час я вернусь с повесткой!

Он благоразумно вернулся на место и пробормотал:

- Ладно... Я вас слушаю.

- Полагаю, очаровательная девушка часто становилась предметом ухаживаний... Особенно в такой жопе мира, где любят гадить чайки...

- Она... она и правда гуляла со многими парнями. Но внерабочие отношения меня не касаются.

Я стукнул кулаком по складному металлическому столу. В кофейных чашках подпрыгнули ложечки.

- Послушайте меня! Женщина была убита очень подозрительным образом! Убийца привел меня сюда, так что теперь вы мне расскажете все, что вертится вокруг этой девушки.

Он зажег сигарету. Пожелтевшие от никотина подушечки пальцев не оставляли никаких сомнений относительно его будущего: рак легких или горла до пятидесяти...

- У нее не все было гладко... я хочу сказать, в личной жизни...

- Объясните!

- Она никогда не скрывала своих мрачных идей, своего интереса к... странным вещам...

- К каким, например?

Он выпустил сквозь желтые зубы струйку дыма. Похоже, сигарета успокоила его и развязала язык.

- Вам известно физическое строение алмаза, комиссар?

- Нет. А какая связь?

– Алмаз на девяносто девять целых девяносто пять сотых процента состоит из чистого угля под очень высоким давлением. Но остается крошечный процент примесей, среди прочих – азота или бора. Они практически незаметны, однако об их присутствии можно догадаться, когда отдельные фотоны, сталкиваясь с ними, отходят от своих начальных траекторий, очень заметно изменяя, таким образом, световой спектр. Каким бы ни был алмаз, каковы бы ни были его размер и стоимость, извлечь эти примеси невозможно. Все алмазы грязные, комиссар.

– К чему вы клоните?

– По правде сказать, эта женщина была алмаз. Роковая красавица. Мы смотрели на нее, как на драгоценный камень, и отпустили бы ей все грехи без исповеди. Но в ней таилось нечто неожиданное, водоворот вероломства. Это был жестокий зверь, чудовище, Сатана, какого вы и вообразить не можете...

В каморку вихрем ворвался старший мастер:

– Начальник, вы там нужны! Геодезист что-то темнит. Не дает нам взяться за склон Р-23. Хочет, чтобы снова пришли инженеры по безопасности! Мы из-за этого болвана опоздаем!

– Иду!

Инженер нахлобучил каску:

– Послушайте, комиссар. Давайте встретимся часика через три, около семи вечера, в кафе Трестрау, на пляже Перро-Гирека. Продолжим наш разговор... Я вам расскажу все как на духу...

И с блестящим от пота лбом он унесся в распахнутую дверь...

* * *

В одиночестве усевшись за столиком на четверых в кафе Трестрау, я заказал себе кружку сидра. Мне не терпелось услышать ответы Жозе Барбадеса, инженера карьера Трегастель. Мне показалось, что я всколыхнул в нем былые страдания, глубоко зарытые, опечатанные воспоминания, которые никогда не

должны были вновь всплыть на поверхность. Что за темные связи поддерживала эта девушка, Розанс Гад, с рабочими предприятия?

Женщина погибла на дне этого карьера при обстоятельствах, возможно отличающихся от официальных. Больше шестисот километров и почти два с половиной месяца разделяли смерть Розанс Гад и Мартины Приёр. И все же во мне росло ощущение, что этих двух женщин связывает прочный канат. Почему убийца направил меня по этому пути?

Жозе Барбадес не заставил себя ждать. Он даже пришел на пять минут раньше, лицо его покрывала восковая бледность, глаза покраснели от беспокойства. Вельветовые брюки горохового цвета складками спадали на ботинки, а над верхней расстегнутой пуговицей рубашки топорщились завитки шерсти, доходившей до самой шеи. Прежде чем сесть напротив меня, он опасливо огляделся по сторонам.

– Заказать вам чего-нибудь выпить? – спросил я.

– То же, что себе... Послушайте, я женат, у меня есть ребенок. Я рассчитываю на вашу деликатность, чтобы не подливать масла в огонь. То, что я вам сейчас расскажу, должно остаться между нами...

– Не могу обещать, однако поверьте мне, я не склонен предавать огласке подобные вещи. Вы знаете, я пришел из тени и уйду в тень, и вы никогда больше не увидите моего лица... Расскажите мне о Розанс Гад, об этой дьявольской бестии, как вы недавно обмолвились...

Он перегнулся ко мне через стол, нарушив ледяную дистанцию, возникшую между нашими телами, подобно вольтовой дуге.

– Это началось за четыре месяца до ее появления на предприятии. Один из моих парней как-то вечером гулял с ней. Она заставила его крупно раскошелиться: шампанское, ресторан, прогулка по пляжу... Знаете, люди выбалтывают свои секреты, а у меня повсюду есть уши. Это случилось в трехзвездочном отеле «Бель Эр», западнее Ланьона. – Прежде чем неуверенно продолжить, он налил себе сидра. – Она заперла дверь на ключ и достала из сумки какое-то диковинное снаряжение. Веревки, кожаные плети, щипцы-кусачки, свечи, пластиковые кляпы...

– Что за кляпы?

– Мяч с продернутым через него кожаным ремешком. Они у нее были всех цветов и размеров. Мячик засовывается в рот, а ремешок плотно затягивается вокруг головы. Так что изо рта не выходит ни единого звука. Идиотская игрушка...

Я вспомнил о следах красной пластмассы, обнаруженных на резцах Мартины Приёр. Такая игрушка наверняка могла вызвать атрофию слюнных желез.

– Продолжайте, прошу вас...

– Неужели я, в самом деле, должен входить во все детали?

– Это крайне важно...

– Увидев, как она раскладывает свое оборудование, парень хотел сделать ноги, но остался, скованный своими неосознанными устремлениями, своим желанием познать неведомые территории мазохизма.

Он еще больше наклонился ко мне, теперь его спина и шея были почти параллельны столу.

– Она крестом, с раскинутыми руками и ногами, привязала его к кровати. Так крепко, что он почувствовал, как онемели его конечности; вокруг запястий еще не один день сохранялись следы от веревок. Затем она вставила ему в рот кляп, разделась и принялась играть с его членом, возбуждая его. Она надела туфли на шпильках и молотила каблуками по его мошонке. Кроме того, она вылила ему на основание пениса кипящий воск. Ее жестокие игры продолжались долгие часы...

Под властью образов и вспышек болезненных воспоминаний он тряс головой. Я был убежден, что мой собеседник рассказывает о собственном опыте.

– И знаете, что рассказал нам этот рабочий? – продолжал он, настойчиво ища моего участия. Капельки пота запутались в его бровях.

Я ограничился инквизиторским:

- И что же?

- Он признался, что, несмотря на боль, он никогда не испытывал подобного наслаждения, ощущения омерзительного ликования, чего-то, что толкало его желать повторения еще и еще... С этой дьяволицей он наслаждался, как никогда, хотя у него не было с ней ни малейшего сексуального контакта! По его рассказам, он достиг полного оргазма, усиленного отсутствием, неудовлетворенностью, постоянно повторяющимися приступами боли...

Отсутствие... Отсутствие сексуального контакта вызвало оргазм...

- А она, эта девица, получала такое же удовольствие?

- Она кончала при каждой пытке, которой подвергала его...

Стремление к наслаждению через культ страдания - вот что связывало убийцу и Розанс Гад. Тошнотворное желание переступить табу, выйти за предел переносимой боли. Способ достичь высшего блаженства, абстрагируясь от секса. Это объясняет тот факт, что Приёр не была изнасилована. Я спросил:

- Сколько мужчин прошло через ее руки?

Он подавился сидром. Забрызгал стол.

- Любопытство - это яд, так же как стремление к плотским наслаждениям. Что возбуждает больше, чем нарушение запретов, смелость зайти туда, куда никто не ходил? - Он взглядом указал на мое обручальное кольцо. - Скажите честно, комиссар. Вот вы женаты. Почему уголовка? Что заставляет вас копаться в самом гадком, что только есть в нашем мире, преследовать зло, жить в крови и страхе?

Мне было так же не по себе, как и ему. По принципу обмена хорошими поступками я должен был ответить ему столь же честно:

- Чтобы победить рутину, чтобы катапультироваться с ровной местности, по которой можно идти всю жизнь до самой смерти без сучка без задоринки. Да, мне нравятся погоня, кровь и запах убийцы. То есть одной части меня это

нравится, и она, разумеется, является моей худшей, но и более сильной частью, той, что берет верх, как доминирующий близнец в материнской утробе...

Его губы растянула странная улыбка.

- Вижу, мы понимаем друг друга, комиссар. Все мы похожи, потому что все мы просто люди... Да, больше половины мужчин испытали на себе ее находки...

- И вы в том числе?

Он провел рукой по лбу и прикрыл ею глаза:

- Да...

- Как вы думаете, где эта девушка приобрела свои навыки садо-мазо? Она что-нибудь говорила, когда бывала с вами? Может, она читала специальные журналы? Она общалась с местными?

- Все, что она могла извергнуть во время своих игр садо-мазо, было чередой ругательств и оскорблений. Никто ничего не знал о ее жизни, кроме того, что она сама изволила нам сообщить... Это была грязная шлюха! Вонючая потаскуха!

Облокотившись о стол, я приблизился к нему:

- Послушайте, мне необходимо узнать о ней как можно больше. Может, вашим рабочим известны факты, о которых вы не знаете и которые могут оказаться важными для моего расследования. Я допрошу их, хотя наверняка наткнусь на скелеты в шкафу.

- Не ворошите дерьмо, комиссар, прошу вас. Каждый из нас мечтает забыть эту девку. Не впутывайте ребят.

- Что это вы так о них печетесь?

Он откинулся назад, положив затылок на спинку скамьи. Остекленевшие глаза неподвижно уставились в потолок.

– Потому что ни у кого из них никогда ничего с ней не было. Только у меня... У меня одного... – Он умолк, а потом добавил: – Хорошо бы вам повидать ее родителей. От них вы больше узнаете о ней... Я рассказал вам все, что знал...

* * *

Папаша Розанс Гад был не из тех, с кем приятно было бы встретиться вечером в темном закоулке.

Дверь мне открыл громила с голым брюхом и поросшим лоснящейся шерстью торсом. В руке он сжимал окровавленный мачете, а со двора несло истощенное квохтанье перепуганной птицы. В мужике было не меньше метра девяносто, и в его ручище размером с полено режущий инструмент выглядел довольно смехотворно.

– Не лучшее время беспокоить людей, – бросил он, обдав мой костюм брызгами слюны. От него разило самопальным кальвадосом, горючей смесью, извергнутой из внутренностей ржавого перегонного аппарата.

– Я комиссар Шарко. У меня к вам есть несколько вопросов касательно вашей дочери.

– Моей дочери? Она мертва. Что вам от нее надо?

– Я могу войти? И мне было бы гораздо спокойней, если бы вы положили нож...

Прижав руку к своему брюху, он разразился людоедским хохотом:

– Ага-ага, ножик. Это для курей. Вечером они отправятся в кастрюлю!

Он отступил в сторону и дал мне пройти в некое подобие дома, которое не заслуживало этого имени. Взяться за его уборку даже усилиями промышленного пылесоса «Керхер» было бы полным безумием. Обои больше напоминали лохмотья полотна, снятого с мумии, разве что не такого нового.

– Мне бы хотелось узнать, мсье Гад, как ваша дочь проводила свободное время и вечера.

Он хватанул большой глоток сивухи:

– Плеснуть?

– Нет, спасибо. Возможно, мне скоро за руль.

– А, ну да, вы же фараон... Я позабыл... Ни грамма, так ведь? Вам даже невдомек, что вы теряете. Мой папаша говаривал, что с хорошей бутылкой лучше, чем с бабой. Потому что бутылка никогда не ноет, не то что эти толстухи...

Новый глоток.

– Розанс нечасто бывала здесь. Вечером я никогда ее не видел. Потому что работаю по ночам. А по выходным она уезжала в Париж. Она половину своей зарплаты там просаживала. И еще на скоростные поезда.

– Что она делала в Париже?

– Почем я знаю, чего она там забыла? Она никогда не хотела об этом рассказывать. Я, вообще-то, в ее дела не совался. Когда жена померла, малышкой занялся я. Делал все, что мог, только вот мне не по нутру все эти бабьи хлопоты, хорошие манеры, понимаете, вся эта дребедень. Я позволял ей делать все, что она хочет, лишь бы сама зарабатывала себе на хлеб... Только вот сдается мне, вы здесь потому, что она там, в Париже, натворила бед?

– Именно это я и пытаюсь узнать. С кем она приятельствовала?

– Почем я знаю... – Новый глоток алкоголя. Молчание.

– Вы никогда не замечали за ней чего-то необычного, каких-нибудь странностей?

Его глаза наполнились слезами.

– Моя деточка... Она умерла. Не хочу вспоминать... Слишком тяжело! Оставьте меня в покое!

Один, словно выживший после кораблекрушения в открытом океане. Обреченный на самое горькое одиночество, на жизнь между пустотой и забвением.

У меня оставалась единственная попытка: «метод доходного пожертвования».

– Скажите, а не пропустить ли нам по стаканчику, прежде чем свернуть шею этим чертовым курицам? Между нами говоря, у меня есть сноровка. Мой дед был фермером.

Я убил целый час, наблюдая и участвуя в спектакле, где преобладали ярко-красные тона, где от удара топора головы отлетали, как пробки из шампанского. Зато получил разрешение заглянуть в комнату его дочери.

У отца никак не хватало смелости войти туда. Мы сделали это вместе... По сравнению с царящим в доме общим хаосом комната казалась чистой. Если девушка что-то скрывала, искать следовало здесь... Я ничего не нашел. Ни одного журнала, ни записной книжки или телефона, нацарапанного на клочке бумаги. Никаких следов того садо-мазо-оснащения, о котором рассказывал инженер карьера. Только стопки скромной одежды, аккуратно застланная кровать, порядок в шкафах, едва заметный слой пыли.

– Вы сюда никогда не заходили? Даже когда она была жива?

– Неа. Я уважал ее личную жизнь, что бы там ни говорили. Позволял ей делать все, что хочет. Только один раз она меня страшно взбесила. Это когда она вернулась из Парижа с пирсингом на языке. На татуировки мне было плевать, но уж согласиться с пирсингом я не мог. Меня от него с души воротило.

– Она делала татуировки в Париже?

– Ага.

– Знаете, в каком квартале?

- Неа. Я в Париже не бывал. Почему мне знать? Кстати, в этих штуках, которые она выцарапывала на своей коже, не было ничего такого...

- То есть?

- Ну там... Я подзабыл... Какие-то забавные фигурки вроде чертиков...

- Каких чертиков?

- Да я не помню. И еще вперемешку какие-то цифры и буквы. Она всегда отказывалась объяснить, что это значит.

Иногда прогуливаешься вдоль кромки океана, погода вроде хорошая, и вдруг совершенно неожиданно, неизвестно откуда взявшийся порыв ветра бьет вам прямо в лицо. В тот момент у меня возникло именно такое ощущение.

Я спросил у Бочки-с-Кальвадосом:

- Вы помните эти надписи?

- Вы чё, псих? Я не помню даже клички моей собачонки, сдохшей пять лет назад. Почему я знаю? Наверное, это какая-то болезнь. Провалы в памяти. В один прекрасный день я забуду, что надо дышать и что нельзя пердеть при людях.

- Вы позвольте, я сделаю короткий звонок...

- Валяйте. Вы же не с моего телефона...

Трубку снял Сиберски.

- Это Шарко. Скажи, нет ли у тебя под рукой письма убийцы?

- Э-э-э... я собирался уходить. Подождите, сейчас вернусь в кабинет... Ага, вот оно...

– Можешь перечитать тот абзац, где он говорит о своем скальпеле? О ранах, которые он им наносит?

– Э-э-э... сейчас... «Когда я прикасался лезвием к ее маленьким твердым грудям, плечам, пупку, кожа на них раскрывалась, как экзотический цветок. Скрупулезно прочитывая ее тело, я находил ответы на все свои вопросы...»

– Стоп! Я знаю ответ!

– Что? Какой ответ?

На теле Гад был код, который позволит расшифровать фотографию фермера. Все обретало смысл. Прежде чем разъединиться, я кратко ввел Сиберски в курс дела, а потом направился вглубь комнаты девушки:

– Я могу взглянуть на компьютер?

Папаша присосался к бутылке, своей партнерше, своей стеклянной игрушке, составлявшей ему компанию в долгие одинокие дни.

– Валяйте! – рявкнул он. – Никогда не знал, как пользоваться этой дрянью. По мне, так это просто ящик дерьма.

Нажав кнопку, я услышал скрип алмазной головки по поверхности жесткого диска. И все. Черный экран. Информация стерта. Диск отформатирован. Кто-то наведалься сюда раньше меня...

– Так, говорите, вы работаете ночью?

– Ага. Три раза из четырех я возвращаюсь домой около шести утра.

– Вы не думаете, что кто-то мог сюда проникнуть в ваше отсутствие?

– Вы сбрендили? С какой бы стати?

– Смотрите сами. Здесь ничего, кроме одежды! Ничего, что напоминало бы о присутствии вашей дочери. Информация в компьютере стерта. Ни одной фотографии, ни одного журнала. Вообще ничего! Мсье, я буду просить полицию провести расследование обстоятельств смерти вашей дочери. Возможно, это не несчастный случай...

Лицо его пылало от гнева, он вяло взглянул на меня тусклым взглядом вареной курицы:

– Что вы хотите сказать?!

– Что она, возможно, была убита тем же преступником, что и другая женщина, в Париже. Мсье Гад, если вы хотите узнать правду, мне надо эксгумировать тело вашей дочери.

– Чего?

– Я буду просить, чтобы вашу дочь выкопали. На ее теле была надпись, очень важная информация, имеющая все шансы привести нас к убийце.

Он швырнул свою бутылку в стену с яростью, достойной игрока в бейсбол. Лихой поступок.

– Моя дочь будет лежать там, где лежит! Оставьте ее в покое, черт бы тебя побрал!

Он подступил ко мне, его мускулы раздулись, как пороховые бочки; он метал в меня взгляды, от которых свернулось бы молоко. Не желая провоцировать его, я отступил и, сбегая по лестнице, рискнул выкрикнуть:

– Она обретет покой только тогда, когда я поймаю того подонка, который убил ее...

* * *

Прежде чем вернуться в отель, чтобы напечатать рапорт на ноутбуке и послать его по электронной почте начальству и психологам, я, держа обувь в руках, босиком прошелся вдоль пляжа Трестрау. Языки соленой пены, поблескивая в последних лучах красноватого сентябрьского солнца, лизали кончики моих пальцев.

Прежде чем официально потребовать эксгумации тела Розанс Гад, я позвонил инженеру карьера Жозе Барбадесу и поинтересовался, помнит ли он надписи, вытатуированные на теле девушки. Он мне ответил, что действительно на ее коже были татуировки. Одна из них – в виде каких-то букв, располагалась прямо под пупком. Разумеется, он никогда даже не пытался запомнить их, слишком увлеченный тем, как партнерша раздирала ему бедра и ягодицы впивающимися в них ремешками плетки.

Назавтра, после полудня, мэр Перро получит документы, разрешающие эксгумацию. Следственный судья Ришар Келли знал свою работу и меру своей ответственности. Он не позволил бы мне доставать тело из могилы, тревожить его подземный покой, если бы не предчувствовал, что эта женщина – настоящий клад. История с зашифрованной в фотографии информацией заинтересовала его, но, разумеется, не так, как меня. О чем она нам поведаст? Какая страшная правда скрывается за снимком бедного фермера, собирающего свеклу? Что-то копошилось у меня в мозгу, что-то ужасное... А что, если закодированное послание укажет... направление продолжения этого кровавого пути? Как обрывок карты, ведущей к спрятанному кладу, где каждая отметка означает... новую жертву?

На уровне горизонта, в розовых, оранжевых и лиловых вспышках фейерверка, узкое облачко разрезало солнце надвое. Я присел возле скалы, из-под которой в испуге выскочил маленький краб и, пробравшись между моими ступнями, нырнул в прозрачную лужицу. Я смотрел на окружающий меня пейзаж и, против всяких ожиданий, внезапно разразился слезами. Моя грудь вздымалась от горьких всхлипов. Я думал о Сюзанне, о своей бессильной ярости, о ее страданиях. Неторопливо и болезненно убийственное в своем коварстве неведение терзало меня, как кислота с медовым привкусом. Гигантская синева, что простиралась передо мной, в морском молчании принимала мои слезы, уносила их с собой вдаль, в глубину своих вод, словно прятала в сундуки, которые никто никогда не откроет.

На краю Бретани, вдали от дома, я был одинок... меня терзала печаль...

* * *

Большую часть следующего дня, предшествующего эксгумации, я провел в комиссариате Трегастеля – читал дело, свидетельство о смерти, протоколы допросов свидетелей смерти Розанс Гад.

Все было оформлено кое-как. Никакого вскрытия, минимум документов; по их мнению, неоспоримой причиной смерти был несчастный случай. Поскорее закопать и поскорее забыть. У меня было впечатление (справедливое), что мое присутствие не доставляет им удовольствия и что, кроме ежедневного чтения некрологов в местной газетке «Ле Трегор», сотрудники комиссариата предпочитали суетиться вокруг оживленной партии в белот, нежели скромно сдерживать распространяющуюся кругом преступность.

Вернувшись в отель, я подключил ноутбук к телефону и вошел в свой почтовый ящик. В него немедленно хлынули мутные потоки рекламы вроде «Buye Viagra on line» или «Increase your sales rate of 300 %»[19 - «Покупайте „Виагру“ через Интернет»; «Увеличьте объем своих продаж на 300 %» (англ.)]. Я наконец занялся тем, чтобы отказаться от всех этих рассылок, на которые, впрочем, никогда не подписывался, и закончил вечер, плавая по волнам Интернета и читая про различные методы криптографии. Щелк – поиск. Щелк – криптографический сайт... Щелк, щелк – описание шифратора «Энигма», использованного немцами во время войны. Щелк, щелк, щелк – гитлерюгенд. Щелк – неонацизм. Щелк – личная страничка какого-то скинхеда. Щелк – поиск. Щелк, щелк – нацистская пропаганда. Щелк, щелк, щелк – подстрекательство к насилию. Щелк, щелк – фотографии еврея с дулом у виска. Щелк, щелк – фильм про то, как чернокожий меняет свою внешность. Продолжительность фильма – минута четырнадцать секунд. Снято пять дней назад...

Когда я ложился спать, меня обдало холодным потом при мысли о тысячах, миллионах людей, которые, сидя перед экранами своих компьютеров со стаканчиком в руке, преспокойно хавают то, что запрещено законом...

* * *

На могилах сверкали капельки росы, свежие и свободные, заблудившиеся на границе дня и ночи.

Посреди трегастельского кладбища, словно надгробный памятник, в легком утреннем тумане вырисовывался силуэт танатопрактика. При моем появлении он даже не шелохнулся, его бугристое лицо словно окоченело. Он оказался на удивление молод, лет двадцати пяти – максимум тридцати. Однако где-то в глубине его глаз я заметил колючки скуки и отвращения. Позади него, возле ограды, покуривали двое могильщиков.

– Свежо нынче утром! – рискнул я завязать подобие разговора.

Специалист бросил на меня быстрый раздевающий взгляд, подтянул узел своего выцветшего галстука и вновь погрузился в молчание.

– Мэр должен прибыть с врачом страховой кассы из Бреста, – продолжал я, обращаясь к живому надгробию.

– Думаете, мне нравится этим заниматься? – произнес он глубоким баритоном.

– Что, простите?

– Потрошить трупы, зашивать им глаза и губы, а потом выкапывать их, словно бы для того, чтобы еще раз поиздеваться над ними... Думаете, это доставляет мне удовольствие?

Человек и танатопрактик, точно как человек и полицейский, – враги, запертые в одном теле, связанные, как две кости одного скелета...

– Я и сам тоже испытываю ужас от подобных вещей, – совершенно искренне ответил я. – Могу вам даже признаться, что в настоящий момент я вообще ни в чем не уверен... Не от хорошей жизни мы вырываем мертвых из их смертного покоя...

Моя внезапная откровенность тронула его.

– Вы правы, нынче утром свежо!

Я подошел. Скрип моих шагов по гравию эхом раздавался в этом застывшем лесу крестов и бетонных надгробий.

– Скажите, можем ли мы надеяться, что после более чем двух месяцев обнаружим тело в хорошем состоянии?

– У этой несчастной девушки три четверти костей были раздроблены, конечности полностью вывернуты, а лицо обезображено. Работа у меня сложная, но я хорошо ее делаю, и многие даже говорят, что у меня талант.

– То есть?

– Вам нужны подробности? Пожалуйста. Я выпустил из тела кровь, чтобы заменить ее формальдегидом. Вернул кости на место. Выкачал мочу, содержимое желудка, кишечные газы. И прежде чем одеть, еще раз вымыл тело антисептическим мылом. Методы погребения предполагают, что тело отлично сохраняется более четырех месяцев. Обычно вы находите его в блестящем виде: оно как новая монетка.

Наконец прибыли двое опоздавших, не более счастливых, чем мой товарищ по туманному утру. На их лицах отчетливо читалось беспокойство.

– Приступим! – приказал мэр нарочито ледяным тоном. – Уладим это дело, и хорошо бы поскорее.

Могильщики взялись за лопаты, вскрыли могилу и подняли гроб.

* * *

Вокруг меня серьезные лица и ускользающие взгляды.

Красное дерево словно вскрикнуло – лямки заскрипели по лакированной поверхности гроба.

Крышку сдвинули. Увидев сдержанное и чересчур упорядоченное внутреннее убранство гроба, я ощутил на своей щеке прикосновение костлявой руки. Руки

Смерти...

В пучке света моего американского фонарика из-под слишком белого савана появилась обращенная ко мне кисть. Пальцы молитвенно сложенных рук были почему-то сжаты в кулаки. Батистовое покрывало словно бы нежно гладило лицо, а вдоль шеи спадали слегка вьющиеся и еще сохранившие свой цвет каштановые волосы. Поскольку никто и пальцем не шевельнул, я взял на себя инициативу обследовать поверхность тела. От прикосновения покрывающая златанные останки ткань затрещала, как высохшее на морозе белье. Симпатичные шмотки, наверное лучшее из того, что у нее было, на какое-то мгновение заставили меня подумать, что она спит. Непослушной рукой я расстегнул костюм, потом блузку. И сердце мое едва не разорвалось, когда показалась смертная белизна ее груди. Кожа пошла едва заметными складками, напоминающими спокойную морскую гладь, но ощущалось, что потусторонняя команда уже всю хлопчет над всем тем, что еще говорило о жизни.

На левой груди красовалось что-то вроде козлиной морды – приносящее несчастье изображение, которое можно найти в старинных колдовских книгах. Ближе к правому плечу возвышался кельтский крест, обвитый змеей, напоминающей белую гадюку с окровавленными клыками. Интересующая меня татуировка дугообразно вилась вокруг пупка. Красные буквы уже начинали сморщиваться, как увядшие цветы. Я слегка растянул кожу и прочел: BDSM4Y.

Я попросил, чтобы прежде, чем снова захоронить останки, мне дали позвонить. Накануне вечером я предупредил Тома Серпетти о возможном звонке.

Он ответил на второй сигнал и сразу сказал:

– Я готов. Давай код.

Я продиктовал ему пять букв и цифру, составляющие выражение, смысла которого я пока не улавливал.

– Ну, рассказывай! – Я изнывал от нетерпения.

– Черт возьми, текст обрабатывается. Теперь программа ищет верный алгоритм дешифровки... AES-Рейндол, Blowfish, Twofish... [20 - AES (Advanced Encryption Standard), также известный как Rijndael – симметричный алгоритм блочного

шифрования. Blowfish – криптографический алгоритм, реализующий блочное симметричное шифрование. Twofish – симметричный алгоритм блочного шифрования; являлся одним из пяти финалистов второго этапа конкурса AES.] Мне кажется, тут работы на часик. Список разных алгоритмов впечатляет. Позвоню, как только это закончится! Как ты думаешь, что мы там обнаружим?

– Что-то, что меня пугает, Тома...

Глава четвертая

Кабинет начальника Уголовной полиции, с потертым линолеумом, обветшалой мебелью и линялыми шторами, обладал величавым статусом культового места, старинного и церемонного, где строгость обостряет чувства до такой степени, что начинает мерещиться самое неожиданное. Сквозь обшарпанную и покрытую кругами от кофейных чашек столешницу огромного дубового стола для заседаний в центре комнаты как будто слышались призрачные меланхоличные голоса сменявших друг друга безымянных главных следователей.

Плотно сжав губы, я влажными руками установил проектор. Вокруг стола взволнованно рассаживались лейтенанты Сиберски и Кромбе, мой шеф Мартен Леклерк, еще три офицера Уголовной полиции, судмедэксперт Ван де Вельд, два специалиста из SEFTI и десяток инспекторов. Скопление недюжинных умов, сообщество личностей, преданных единому делу. Некстати был разве что психолог Торнтон.

Пришла Элизабет Вильямс, специалист по психокриминалистике, и села напротив меня. Укладка, полосатый костюм, неприветливое лицо. Прямо фасад церкви.

Мы собирались погрузиться во внутренний мир убийцы, в эту охваченную пороком вселенную, в болотистую местность, смердящую тухлятиной и бешенством.

Сиберски задернул шторы, и я нажал кнопку пуска.

В ослепительном конусе белого света на экране появилось изображение женщины. От ощущения непереносимой боли, исходившего от каждого миллиметра снимка, зрители оцепенели с открытым ртом и нахмурились.

Я попытался придать голосу уверенности:

– Электронное письмо, полученное мною шесть дней назад, в ночь первого убийства, содержало два зашифрованных методом стеганографии снимка. Один из них был сделан спереди, а второй, вот этот, – со спины. Убийца представляет нам свою следующую жертву...

На экране возникла сфотографированная сзади обнаженная женщина, стоящая на коленях на бетонном полу возле стены. Сквозь тонкую, как кисея, кожу проступала кольчатая змейка ее позвоночника. Заострившиеся лопатки грозили пропороть кожу, и единственное, что, казалось, сохраняет ее тело в целостности, была опутывающая его сложная паутина узлов и веревок.

– Деревянные клинья разного размера всажены в спину под разными углами и на разную глубину. Крайняя худоба девушки объясняется очевидным недоеданием, точнее, полным отсутствием пищи в течение, возможно, нескольких дней. На полу отсутствуют видимые следы мочи или экскрементов, что свидетельствует о том, что похититель старался содержать ее в чистоте...

Полная тишина, напряженные взгляды, блестящие от испарины лбы. Ошеломленные зрители впитывали каждое мое слово как спасительную влагу. Тишину нарушил судмедэксперт:

– Оттенок кожи дает возможность предположить, что она еще жива. Не так ли?

Я вывел на экран ноутбука вторую фотографию. Беззвучный крик, какое-то хрипение вырвалось из груди Торнтонна. Один из инспекторов поспешно вышел, его рвало.

Лицо девушки выражало живо осязаемое страдание, моментальный снимок боли, вырванный из текущего мгновения, навеки зафиксированный на бумаге и в мыслях каждого из присутствующих. Соединив в кровавом объятии плоть и дерево, через ее соски в край стола были вбиты два гвоздя. Металлическая дуга в форме лошадиной подковы распирала ей рот, не давая закрыть его, а два

стальных зажима сдавливали виски, лишая ее возможности малейшего бокового движения головой. В каждый ее глаз был нацелен продольно движущийся и регулируемый при помощи гайки-барашка заостренный молоток.

- Да, судя по лицу, в момент съемки она, несомненно, была жива. А сегодня? Если да, значит тот, кто убил Мартину Приёр, параллельно занимался этой женщиной...

Я ткнул лазерной указкой в центр изображения, старательно продолжая давать мучительные пояснения. От моих слов у меня самого в жилах стыла кровь.

- Ее голова обездвижена стереотаксическим аппаратом. Такие используются в лабораториях вивисекции для проведения опытов над животными.

Я вернулся к предыдущему снимку:

- Комната выглядит довольно большой и очень темной. Похоже на подвал или какое-то помещение без окон. Место уединенное, где он может действовать в безопасности, не рискуя привлечь внимание...

Элизабет Вильямс вела записи в маленьком блокноте с кожаной обложкой. Учитель, слушающий ответ ученика.

- Появились ли у вас на основании того, что вам удалось узнать в Бретани, какие-нибудь соображения относительно места, где она может находиться? - спросил Леклерк, постукивая шариковой ручкой по столу.

- Ни малейшего. Единственное, что я знаю, убийца подсовывает нам эти фотографии как вознаграждение за наше расследование. Мы нашли код - он допустил нас поглубже. Здесь есть два решения: либо за сценой преступления кроется другой знак, либо преступник откровенно издевается над нами. Как вы думаете, мадемуазель Вильямс?

Она положила блокнот и очки на стол:

- Продолжайте, господин Шарко. Ваши выводы представляются мне интересными.

– Гм... Отлично. Я запросил согласие Регионального управления судебной полиции Нанта на начало расследования по делу об убийстве Розанс Гад. Эта девушка, физически или морально, поддерживала отношения с убийцей. Она – то звено, которое позволит нам подойти к нему ближе.

– Значит, убийца рискнул привести нас на поле, где мы могли бы его прижать? – с сомнением в голосе подал реплику шеф.

– Нет, не думаю, чтобы он решился на такую фантазию. Эта девушка, вероятно, имела с ним садистические отношения, даже не зная, кто он. В комнату Розанс Гад кто-то наведалься, я в этом убежден. И похоже, все улики уничтожены. Например, из компьютера была стерта вся информация, как у Приёр. Так что никаких очевидных следов...

– Почему он стирает информацию с жестких дисков?

– Понятия не имею. Может, он познакомился с этими девушками через Интернет? Стоит покопаться...

Я выключил проектор:

– Все. Теперь слово вам, мадемуазель Вильямс.

– Э-э-э... Сейчас... – Прежде чем заговорить, она надела очки и откашлялась. – Начну с того, господа, что я не волшебница и не ясновидящая. И не обладающая сверхъестественными способностями героиня телевизионного сериала. Так что не ждите, что я предоставлю вам фоторобот убийцы, который достаточно будет прикрепить на ветровое стекло ваших автомобилей или повесить в ближайшей мясной лавке...

На лицах присутствующих обозначились слабые улыбки, нервное напряжение немного ослабло... Леклерк ткнул локтем в бок лейтенанта Сиберски, словно желая сказать: «Она к тому же еще шутница!» Прежде чем продолжить, Вильямс дождалась, пока не воцарится спокойствие.

– Я подвела полный итог прошедших через мои руки рапортов, свидетельских показаний и фотографий. Письмо, отправленное комиссару Шарко, упомяну

лишь вскользь: на его детальный анализ мне потребуется еще сколько-то времени. Обычно на то, чтобы сделать первый набросок места действия, у меня уходит неделя, так что будьте снисходительны, господа... Комиссар Шарко сделал очень уместные заключения относительно сцены преступления. Убийца, несомненно, хотел, чтобы мы как можно скорее обнаружили Мартину Приёр. Этим его желанием объясняется оставленная открытой дверь. Что позволяет нам предположить, что женщина на фотографиях, продемонстрированных господином Шарко, до сих пор жива. Поскольку в противном случае убийца постарался бы проявиться и показать нам... свой трофей.

Самой важной чертой этого убийства, как моральной, так и физической, судя по деталям фотографии второй женщины, представляется садистический аспект, о чем свидетельствует его крайняя жестокость. Садист находит возбуждение в продолжительности акта. Он будет как можно дольше сохранять жертве жизнь, используя ее как объект, призванный удовлетворить его фантазмы. Она как личность для него ничего не значит, и он без сожаления избавится от нее, как от использованного бумажного носового платка.

Она оперлась ладонями о гладкую поверхность стола.

– Обыкновенно такой тип пыток сопровождается половым актом, каковой, если он не выражен проникновением, состоит в калечении половых органов: преступник кромсает груди жертвы, выворачивает или разрывает ей влагалище. В своем письме он ясно указывает, что он ее (я цитирую): «...не трахнул, хотя мог бы». Этим уточнением преступник хочет доказать, что он не импотент, но что половой акт имеет лишь вторичное значение, без которого он легко может обойтись. Таким образом, он демонстрирует нетипичное поведение по сравнению с большинством серийных убийц, которые чаще всего вступают в посмертный половой акт с жертвой. К тому же обычно у жертв отмечается сходство физических черт: цвет или длина волос, рост или сложение. Здесь я ничего подобного не обнаружила. Первая жертва была блондинкой, вторая, судя по фотографиям, шатенка. Одна довольно высокая, вторая скорее маленькая. Не будем забывать о Розанс Гад, которая, если он действительно убил ее, представляет совсем другой тип.

Плеснув в пластиковый стаканчик воды, она смочила губы.

– Не стесняйтесь прервать меня, если я слишком спешу... Убийца – игрок, он любит рисковать и использует любые пути, чтобы быть замеченным. Провокации

полиции, подробное письмо, фотографии жертв... Такими ухищрениями он находит способ максимально продлить свое действие, что может позволить ему получать удовлетворение, пока он не совершит убийства... Преступник, безусловно, хочет, чтобы мы разделили его ощущения, однако не раскрывает при этом, кто он. Подобный тип личности любит быть в курсе развития следствия, так что нам надо быть начеку. Мне представляется, он знаком с господином Шарко, поскольку прежде всего направил это письмо ему. Поэтому присмотритесь ко всем своим знакомствам: журналистам, осведомителям, обслуживающему персоналу и даже разносчикам пиццы, а также к бывшим подозреваемым или осужденным, прошедшим через ваши руки.

Ее речь лилась так свободно, словно она собственными глазами читала мысли убийцы и его жертв и просто озвучивала их для нас.

- Такая мизансцена преступления означает, что убийство, несомненно, скрупулезно готовилось заранее в течение нескольких недель, а то и месяцев. Этот тип убийцы ничего не оставляет на волю случая; одинокая жертва, полный бак бензина, всегда наготове автомобиль, чтобы обеспечить себе возможность бегства. Он не обязательно заранее знаком со своими жертвами, я хочу сказать, лично, однако старается внимательно изучить их окружение, привычки, места, где они бывают, кто их посещает. Убийство, совершенное ночью, и пытки, которым на протяжении многих дней подвергалась вторая женщина, наводят на мысль, что убийца холостяк, что его профессия позволяет ему тратить время на изучение, а также, простите за этот термин, техническое обслуживание своих жертв. - Испытующий взгляд на присутствующих. - Способ, которым он ее связал, называется методом «бондажа»[21 - От англ. bondage - рабство, принуждение, садомазохизм.]. Кому-то из вас это о чем-нибудь говорит?

Девять человек из пятнадцати, и я в том числе, подняли руки. Она продолжала:

- Значит, стоит пояснить. Подобная техника эротического связывания пришла к нам из Японии. Изначально это искусство наложения пут на тело. Да будет вам известно, что некоторые японские мастера бондажа были знамениты не меньше чем великие спортсмены. Места на их сеансы ценились на вес золота, они имели своих антрепренеров, адвокатов и целый штат любителей узлов. Разумеется, это оригинальное искусство очень быстро деградировало, распространившись в среде садомазохистов. Бондаж предлагает захватывающий перечень приемов, как в Камасутре, от самой простой миссионерской позы до гораздо более продвинутых положений, вроде «японской тачки» или «забивания гвоздя».

Раздались смешки, атмосфера разрядилась.

- Примененный здесь прием называется «шибари»: руки связаны за спиной под прямым углом, веревки сжимают груди, лодыжки связаны и подогнуты под ягодицы, все опутанное веревками тело выглядит словно в коконе паутины. Это один из наиболее сложных способов, его невозможно симпровизировать. Вероятно, убийца подписан на порнографические журналы, располагает большой коллекцией видеоматериалов, вращается в садистских кругах или посещает японский клуб. Теперь поговорим немного о статистике ФБР по серийным убийцам, допрошенным по программе VICAP[22 - The Violent Criminal Apprehension Program (англ.) - программа по предотвращению тяжких преступлений, разработанная ФБР.], эквивалента которой, ввиду ограниченного количества выраженных серийных убийц, у нас во Франции, разумеется, нет. Этот тип личности обладает интеллектуальным показателем выше среднего, то есть выше ста десяти, для возрастной категории между двадцатью пятью и сорока годами. Его внешность внушает доверие, он чистоплотен и хорошо одет. Для его сексуальных предпочтений в семидесяти случаях из ста характерны порнография, фетишизм, вуайеризм. Согласно данным VICAP, восемьдесят пять процентов из них белые, семьдесят пять процентов имеют стабильную работу и в двух третях случаев они совершают убийства поблизости от места своего проживания... И наконец, все полагают себя неспособными прекратить убивать, хотя, впрочем, не видят в этом интереса... Таким образом, мы знаем, чего ждать...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Уэсли Эрл «Уэс» Крэйвен (Wesley Earl Craven; р. 1939) – американский кинорежиссер, продюсер, сценарист. Культовый режиссер фильмов ужасов. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Шарль Амедей Ванлоо (Carl Van Loo; 1705–1765) – французский живописец, самый известный из династии Ванлоо, происходившей из Голландии и обосновавшейся во Франции во второй половине XVII в.

3

Костотом – реберные ножницы.

4

Эвисцерация – извлечение внутренних органов трупа с целью их детального изучения.

5

Международная компания, начала свою деятельность в 1887 г. Является одним из крупнейших в Европе производителей оборудования и продукции, предназначенных для моргов, судебной медицины. А также выпускает средства гигиены, которые относятся к данной области.

6

Долли Партон (Dolly Parton; р. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса, имеет титул «Королева кантри».

7

Аллюзия на слова из песни Francine Cokempot «Les murs de poussière» (1977): «Châteaux dans les bois / Se fendent sous nos pas».

8

Service d'Enquête des Fraudes aux Technologies de l'Information (фр.) – Служба расследования мошенничества в области информационных технологий.

9

Carte bleue (фр.) – французская кредитная карта.

10

Стеганография (от греч. ???????? – скрытый и ????? – пишу; буквально: «тайнопись») – наука о скрытой передаче информации путем сохранения в тайне самого факта передачи.

11

От англ. to sniff – нюхать, разнюхивать.

12

Силикоз – наиболее распространенный и тяжело протекающий вид пневмокониоза, профессиональное заболевание легких.

13

Премия Hot d'Or – Европейская премия порнокиноиндустрии.

14

Видимо, несуществующий журнал, придуманный автором по образу «Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique et Scientifique».

15

Пабло Эскобар (Pablo Emilio Escobar Gaviria; 1949–1993) – колумбийский наркобарон, террорист.

16

Окадаиковая кислота – токсин, содержащийся в двустворчатых моллюсках.

17

Государственный госпиталь Питье-Сальпетриер (Pitie-Salp?tri?re Hospital).

18

Лампа черного света, или лампа Вуда (англ. Black light, Wood's light) – лампа, излучающая почти исключительно в наиболее длинноволновой («мягкой») части ультрафиолетового диапазона и, в отличие от кварцевой лампы, практически не дающая видимого света. Применяется, в частности, в криминалистике для обнаружения следов крови, мочи, спермы или слюны, которые флуоресцируют в свете лампы.

19

«Покупайте „Виагру“ через Интернет»; «Увеличьте объем своих продаж на 300 %» (англ.).

20

AES (Advanced Encryption Standard), также известный как Rijndael – симметричный алгоритм блочного шифрования. Blowfish – криптографический

алгоритм, реализующий блочное симметричное шифрование. Twofish – симметричный алгоритм блочного шифрования; являлся одним из пяти финалистов второго этапа конкурса AES.

21

От англ. bondage – рабство, принуждение, садомазохизм.

22

The Violent Criminal Apprehension Program (англ.) – программа по предотвращению тяжких преступлений, разработанная ФБР.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frank-tile/adskiy-poezd-dlya-krasnogo-angela-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)